

АНАСТАСИЯ АЛЕКСЕЕВНА ФЕДОТОВА

кандидат биологических наук,
старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова
Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: f-anastasia@yandex.ru

Фетибаш, Гангру и другие: биографии царскосельских слонов

УДК: 791.82«18»(470)

DOI: 10.24412/2079-0910-2026-2-83-117

В статье исследуются режимы содержания и ухода за слонами, жившими в Царском Селе, загородной резиденции Романовых, с 1839 г. вплоть до коллапса империи в 1917 г. В общей сложности их было шесть: дары Николаю I, Александру II и Николаю II из Бухары, с Цейлона и из Абиссинии. Исключительность кейса царскосельских слонов в том, что они играли роль не только дипломатических подарков, но и домашних питомцев Романовых. И первое, и второе обстоятельство, подкрепленные общим статусом слонов как исключительных животных, обеспечивали слонам максимально возможный для животных в неволе уровень комфорта: заботливые смотрители и ветеринары, прогулки и купания, спокойная уединенная жизнь. Однако по большому счету слоны оставались пленниками: в помещении их держали прикованными. В 1860-х и 1870-х гг. царскосельских слонов отдавали в публичные зверинцы и зоосады, где условия содержания были гораздо более суровыми. Сохранившиеся сведения о жизни шести царскосельских слонов, об их смотрителях и ветеринарах позволяют делать некоторые выводы об экспертизе, на которую опирались люди, принимавшие решения по организации ухода за экзотическими животными при императорском дворе. После смерти слонов их тела, как и в более ранние периоды, могли становиться экспонатами естественно-исторических музеев. Богатая историография дает возможность сравнивать содержание царскосельских слонов с тем, как содержались животные в публичных зверинцах и зоосадах Европы, Северной Америки и России в этот же период.

Ключевые слова: слоны, Царское Село, зверинцы, экспертиза, Российская империя, долгий XIX век.

Благодарности

Я признательна Е.В. Аксёненко за информацию о чучеле Фетибаша в музее кафедры зоологии и паразитологии Воронежского университета; М.М. Пироговской

(Университет Мюнхена) и Е.Н. Машенко (ПИН РАН) за обсуждение и ценные комментарии.

*L'éléphant est, si nous voulons ne nous pas compter,
l'être le plus considérable de ce monde: il surpasse tous
les animaux terrestres en grandeur, & il approche de
l'homme, par l'intelligence*

Buffon, 1764

Введение

В рамках глобальной истории животных за последние десятилетия сформировался значительный пласт литературы, посвященный взаимодействию человека и слонов в исторической перспективе и в современном мире¹. Имеющиеся работы описывают как биографии отдельных слонов (большинство из них — это животные из зверинцев, цирков и зоопарков) [Amato, 2009; Nance, 2013, 2015; Daly, 2014], так и разные аспекты взаимоотношений наших видов: слоны как тягловые животные — больше всего их было занято на лесозаготовках [Saha, 2017], слоны, выполнявшие церемониальные роли и роли дипломатических подарков [Bedini, 1997; Sivasundaram, 2005; Wang, 2026], их истребление ради слоновой кости и трофейная охота на них, а также усилия по сохранению этих животных, созданию национальных парков для их выживания и для более «цивилизованной» охоты на них [Rothfels, 2007; Day, Garside, 2024; Leonardi, 2025], слоны как вредители сельскохозяйственных угодий [Skotnes-Brown, 2021]; слоны как музейные экспонаты [Cappellini et al., 2014; Fedotova, 2024, 2026b] и т. д.

Подобные темы, составляя часть истории животных, нередко затрагивают историю знания, в частности вопросы экспертизы: что конкретные группы людей или наука в целом знали и знают о том, как нужно выстраивать отношения со слонами для более эффективного взаимодействия с ними? В какой мере это знание в разные периоды и в разных регионах было основано на культурных традициях, а в какой — на «строго научных» исследованиях? Как часто слоновщики готовы взаимодействовать с носителями научного знания, и наоборот — насколько эти последние готовы признать ценность знаний слоновщиков? Как тела слонов (после их смерти) становятся экспонатами научных музеев?

Несколько работ появилось и на отечественном материале. Большая часть исторических работ рассказывает о слонах, подаренных русским царям от восточных монархов, и описывает события XVIII в. [Моисеев, 2010; Юхименко, 2015; Васильева, 2019; Pirogovskaya, 2025]. В целом же «российские» слоны остаются малоизученной темой несмотря на то, что материал имеется богатый. Данная статья призвана хотя бы отчасти заполнить эту лауну и расскажет о придворных слонах, живших в Царском Селе. Среди прочих проблем будет рассмотрен и вопрос экспертизы.

¹ Многие специалисты предпочитают термин *multispecies humanities*, что можно перевести как «многовидовая гуманиора». Обзор проблем, возникающих при изучении историками и антропологами отношений людей и слонов, см.: [Rothfels, 2021], а также в специальном выпуске журнала “Humanimalia: Elephant (Research) Routes”: Integrating Elephants into More-than-Human Narratives (2025. Vol. 16. No. 1).

Решение о переносе слоновника из Петербурга в Царское Село было принято в начале правления Николая I [Fedotova, 2026b]. За последующие годы, вплоть до коллапса империи (1917) в парке Царского Села последовательно содержались шесть слонов. Они были дипломатическими подарками Николаю I, Александру II и Николаю II из Бухары, с Цейлона² и из Абиссинии. Пять из них были азиатскими, *Elephas maximus*, Linnaeus, 1758, и один, точнее одна — африканской слонихой *Loxodonta africana* (Blumenbach, 1797). Как и в более ранние годы, тела придворных слонов могли становиться экспонатами естественно-исторических музеев, и в этом смысле слоны оставались объектами внимания публики даже после смерти.

Основное внимание в данной статье будет уделено биографии двух слонов — самца Фетибаша и самки Гангру, которые жили в Царском Селе в 1839–1860 и 1849–1860 гг. соответственно. Именно о них удалось найти больше всего документов. В таблице 1 приведены краткие сведения о девяти слонах, живших при Санкт-Петербургском императорском дворе на протяжении долгого XIX в., точнее с 1796 по 1917 г.

Луиза Роббинс в своей книге 2002 г. предложила разделить экзотических животных, содержащихся в Западной Европе XVIII в., на две категории: порабощенные, как слоны, и изнеженные, как попугаи [Robbins, 2002]. Как показывает исследование Марии Пироговской [Pirogovskaya, 2025] по «русским» придворным слонам XVIII столетия и как сообщают документы XIX в., в Петербурге дела обстояли несколько по-другому: статус и слонов, и их зрителей-махаутов был значительно выше, чем любых других животных при императорском дворе и ухаживающих за ними людей, а существование их — намного комфортнее, так что «русских» слонов было бы корректнее отнести к группе изнеженных, или избалованных, пленников.

В первом разделе статьи описаны источники, которые удалось обнаружить о царскосельских слонах, и сказано об ограничениях, налагаемых этими источниками. Второй раздел посвящен тому, как слоны добирались до столицы Российской империи. Далее описана повседневная жизнь слонов и отдельно — надзор за их здоровьем. Пятый раздел рассказывает, что происходило со слонами, когда семья Романовых теряла к ним интерес, а министерство двора больше не видело смысла тратить средства на их содержание. В последней части представлены сведения об останках царскосельских слонов, ставших музейными экспонатами.

Источники

К середине XIX в. слоны³ стали сравнительно обычным объектом в передвижных зверинцах, цирках и зоосадах не только в Европе или Северной Америке, но и в России — об этом свидетельствуют газетные новости из Петербурга, Москвы, а так-

² Цейлонский слон был подарен Николаю Александровичу в бытность его наследником в 1891 г.

³ Вплоть до последней трети XIX в. это были почти исключительно азиатские слоны (*Elephas maximus*), но с 1870-х гг. Европа и Северная Америка стали все чаще видеть также и африканских (*Loxodonta africana*).

Табл. 1. Слоны при Санкт-Петербургском императорском дворе в долгом XIX столетии (1796–1917)
Table 1. Elephants at the St. Petersburg Imperial Court in the long 19th century (1796–1917)

	Откуда подарены	Пребывание при СПб имп. дворе	Дальнейшая судьба
Азиатский слон	Бухара	Вольнский охотный двор, 1796–1806	Чучело и скелет смонтированы для Кунсткамеры ИАН в 1806–1807, они до сих пор экспонируются в Зоологическом музее ЗИН РАН
Азиатский слон	Персия	Вольнский охотный двор, 1815–1823	Шкура и скелет переданы Казанскому университету; сохранились только три подошвы и, вероятно, два бивня
Азиатская слониха		Вольнский охотный двор, 1815–1827	Шкура и скелет переданы Варшавскому университету. Чучело экспонировалось до Второй мировой войны и было уничтожено одним из пожаров. Скелет экспонировался по крайней мере до начала XX в.
Азиатский слон Фетибаш, род. ок. 1834	С севера Индии в Кабул, затем в Бухару, и в Петербург	Царское Село, 1839–1860	В мае 1860 г. передан в зверинец Г. Крейцберга, умер через несколько недель. Останки проданы Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии, из них смонтированы скелет и чучело.
Азиатская слониха Гантру, род. ок. 1842	С севера Индии в Герат, затем в Бухару и в Петербург	Царское Село, 1849–1860	В 1960-х гг. скелет передан в ЗИН РАН, чучело — в Воронежский университет, где до сих пор экспонируется
Азиатская слониха Ляда (Ляду)	Бухара	Царское Село, 1860–1864	В мае 1860 г. передана в зверинец Г. Крейцберга, дальнейшая судьба неизвестна
Азиатский слон Мавлюбаш	Бухара	Царское Село, 1870–1872	Передана Московскому зоосаду, содержалась там по крайней мере до конца 1868 г.
Азиатский слон, род. 1888 или 1889	Цейлон	Царское Село, 1891–1902	Передан Петербургскому зоопарку
Африканская слониха, род. 1893 или 1894	Абиссиния	Царское Село, 1896–1917	Возможно, его останки были проданы А.В. Кокареву (1848–1908); изготовленное чучело стояло в стеклянном павильоне в саду особняка в Царском Селе (сегодня — ул. Московская, д. 55).
			После прекращения деятельности Министерства имп. двора бродила по Царскому Селу; осенью 1917 г. была передана в Московский зоосад, умела по дороге. Останки переданы в Дарвиновский музей. В 1927 г. изготовлено чучело, которое до сих пор экспонируется

Источники: [Федотова, 2023; Федотова, 2026]; РГИА. Ф. 258. Оп. 8. Д. 362; Ф. 468. Оп. 15. Д. 246; Ф. 472. Оп. 2. Д. 1418; Оп. 14. Д. 987; Оп. 15 (91/929), Д. 43; РГИА. Ф. 482. Оп. 1 (782/1958). Д. 4463; Ф. 487. Оп. 8. Д. 6495, 6497, 6908, 6493, 6993, 6996, 7019, 7115, 7139, 8997.

же из провинциальных городов⁴. Однако документов по частным зверинцам и циркам в архивах накапливалось очень мало. Более того, владельцы старались скрывать всю неприятную информацию от посетителей, в том числе — о гибели животных. В случае смерти животного публике нередко сообщалось, что оно было передано в другой зверинец или цирк [Попов, 1878а, с. 26]. Санкт-Петербургский зоосад до конца имперского периода был частным предприятием, и поэтому документов по его дореволюционной истории сохранилось немного⁵. Некоторую информацию о его слонах можно извлечь из сообщений в научной и научно-популярной периодике, а также из газетных новостей, рекламных объявлений и путеводителей, которые издавались самими владельцами⁶. Однако такие источники очень часто дают лишь самые краткие сведения, которые не содержат даже указаний на пол, возраст или имя животного.

В этом смысле в лучшую сторону отличался Московский зоосад, который создавался силами общественной ученой организации — Комитета по акклиматизации животных и растений Московского общества сельского хозяйства, ставшего в 1864 г. самостоятельным Русским обществом акклиматизации животных и растений [Кулагин, 1900; Егорова, 2004]. Московский зоосад уже в имперское время публиковал не только путеводители, но и отчеты по своей деятельности, что включало не только перечисление приобретений и потерь⁷, но и сообщения об исследовательской работе, проводимой в зоопарке⁸. Это, однако, не означает, что биографии слонов Московского зоосада легко проследить по печатным или архивным источникам, к тому же последние находятся в Москве.

Соответственно, единственная категория слонов, документы о которых более или менее систематически накапливались в архивах Санкт-Петербурга, — это животные, которые содержались при императорском дворе. В разное время слоны и слоновщики (махауты) подчинялись различным ведомствам двора. В конце XVIII и первой трети XIX в. их содержали в зверинце императорской охоты — на так называемом Волынском (Охотном) дворе, сейчас это территория Обуховской больницы. Соответствующие документы поступали в фонд императорской охоты Российского государственного исторического архива (РГИА). С конца 1830-х гг. слоны жили в Царском Селе. За этот период бумаги накапливались в фонде Царскосельского дворцового правления того же архива.

После смерти слонов их останки могли отдавать в Академию наук. В XVIII в. натуралисты производили анатомические исследования этих слонов — сохранились

⁴ К примеру, «Санкт-Петербургские ведомости» 29 декабря 1853 г. в разделе «Внутренняя корреспонденция» сообщали о богатом зверинце Карла Берга, находящемся в Симферополе. В его коллекции имелся пятилетний дрессированный слон. Эта же газета 14 августа 1855 г. сообщала о приезде в Новгород зверинца Бернабо с ученым слоном. Таких сообщений в газетах 1850-х и 1860-х гг. можно обнаружить десятки.

⁵ О первых годах его существования см.: [Kotenko, 2024].

⁶ См. к примеру: [Рост, 1874; Попов, 1878а; Зефельд, 1890].

⁷ К примеру, В.В. Попов (1841–1900), являвшийся в 1878–1880 гг. директором Московского зоосада, публиковал дневники, в которых нередко упоминаются слоны, в частности Мавлюк, о котором речь пойдет ниже [Попов, 1878б].

⁸ См. к примеру: [Тоболкин, 1908].

протоколы вскрытий и даже рисунки⁹. В XIX в. зоологи и препараторы Академии наук обычно ограничивались снятием шкур и очищением костей для последующего изготовления музейных экспонатов¹⁰. Такие документы отложились в академическом архиве и фондах университетов, которым передавались кости и шкуры.

В петербургских архивах удалось обнаружить более полутора сотен дел с документами о придворных слонах долгого XIX в. Подавляющее большинство из них содержит информацию о закупке кормов и других припасов, о выплате жалованья служащим, по ремонту слоновьего павильона и прочей инфраструктуры. Более содержательных документов сравнительно немного — это контракты с махаутами, документы о приглашении ветеринаров и, самое интересное, — записки о каком-либо из слонов, составленные со слов его махаута.

Других источников удалось найти сравнительно мало. Придворные слоны почти не становились темой для газетных новостей, за исключением сообщений об их передвижениях. Пока обнаружено всего два газетных сюжета о слоновой жизни при дворе, и оба они кажутся не особенно достоверными¹¹.

Иногда слоны упоминаются в источниках личного характера — в частной переписке, мемуарах и дневниках. К сожалению, такие фрагменты обычно не особенно информативны и не обязательно надежны. Например, великий князь Константин Константинович в середине августа 1891 г. сообщал, что ездил с детьми смотреть слоненка, недавно привезенного в подарок цесаревичу из Сиама (Таиланда) [*Романов*, 1998, с. 182], — на самом же деле слоненок был с Цейлона, и о нем будет сказано ниже.

⁹ См. к примеру: [*Du Vernoi*, 1726–1728]; СПбФ АРАН. Р. 1. Оп. 4. Д. 1, 2.

¹⁰ Вскрытия слонов вновь стали производиться в зоосадах в конце XIX — начале XX в. в связи с тем, что зоосады стали претендовать на статус исследовательских центров. См. об этом специальный номер журнала “*Centaurus*” (2022. Vol. 64. No. 2): “*Science at the Zoo: Producing Knowledge about Exotic Animals*”. О вскрытии слона в Московском зоосаде см., например: [*Ваганов*, 1909].

¹¹ Первый сюжет — это якобы пересказ из русской газеты, появившийся в нескольких британских и американских изданиях; см., например: *An Elephant’s Gallantry*. St. Petersburg, April 2, 1817 // *The Ladies’ Weekly Museum, or Polite Repository of Amusement and Instruction*. 1817. October 18; *Foreign*. St. Petersburg, April 2, 1817; *An Elephant’s Gallantry* // *Hampshire Gazette*. 1817. November 12). Дама, которая часто приходила посмотреть на слона, обычно приносила ему хлеб и яблоки. Однажды животное в знак благодарности схватило даму хоботом за талию и посадило ее себе на спину. Бедная женщина, испуганная этим неожиданным проявлением галантности, закричала и умоляла снять ее. Слоновщики заверили ее, что разумнее оставаться на месте. Поэтому ей пришлось ждать, пока слон опустит так же осторожно, как прежде поднимал» [*Potts*, 2022, p. 908–909]. История кажется надуманной, и пока что не удается найти оригинального сообщения в русских газетах. Во втором анекдоте рассказывается, что якобы большая часть казенных средств, выделяемых на содержание слонов, поступает в карманы зрителей и что в этой коррупционной схеме участвуют в том числе и царскосельские ветеринары (Петербургское обозрение // *Северная пчела*. 1860. 21 мая. № 114. С. 464–465).

Долгая дорога в Петербург

Огромные, не приспособленные к суровому климату и дальним переходам животные должны были совершить переход из Центральной или Передней Азии на северо-запад Российской империи, т. е. в несколько тысяч километров. Путь слонов из Бухары до Петербурга описан в статье историка науки Галины Матвиевской на материалах Оренбургского областного архива [*Матвиевская*, 2008]. Здесь ее рассказ будет дополнен данными из петербургских архивов, в основном из РГИА. В таблице 2 сведена информация о доставке всех девяти слонов, которые стали подарками русскому императорскому двору в долгом XIX столетии.

Весной 1838 г. бухарский эмир отправил слона по кличке Фетибаш, примерно пяти лет от роду, в подарок императору Николаю I. Через десять лет, в 1848 г., тем же маршрутом была послана слониха Гангру, примерно такого же возраста. В Бухару они попали из Афганистана, а туда — с севера Индии¹².

В XIX в., до строительства железных дорог, путешествие слонов из Центральной или Передней Азии занимало два теплых сезона. По пути из Бухары слоны зимовали в Оренбурге, если шли из Ирана — то в Новочеркасске [*Fedotova*, 2026b]. На зимовку слонов размещали в полковых манежах — других помещений, которые могли бы вместить таких больших животных, в приграничных городах XIX в. обычно не было. Слонам шили теплую одежду: суконные попоны, непромокаемые накидки, отдельно для головы и для ушей, и сапоги из качественной кожи. Нередко сапоги были подкованы железом¹³.

Весной следующего года слоны вновь отправлялись в путь. Местные власти должны были по пути следования слона приготовить «приличные квартиры» «для ночлегов и роздыхов» слоновьего эскорта, а для самого слона — «просторные дворы и, если можно, крытые сараи или навесы», и необходимое продовольствие — пшеничный хлеб (до двух пудов на каждого слона в день), сено (до 10 пудов) и коровье масло (8–10 фунтов), а также сахар или мед (5–7 фунтов)¹⁴.

К тому времени, как слон от Оренбурга добирался до Волги в Самарской или Симбирской губернии, становилось ясно, что продолжать дорогу пешком невозможно. Слоны не способны проходить каждый день по 20–30 верст, их подошвы не приспособлены к твердым поверхностям и от долгих переходов превращаются в сплошную рану. Поэтому на Волге слона вместе с провожатыми грузили на баржу, и путешествие продолжалось по воде¹⁵. В 1860 г. слониху Ляду вели пешком и везли по воде до Москвы, а оттуда — по железной дороге. В 1870 г. трех слонов погрузили в вагоны в Нижнем Новгороде. Слоны были крупные, так что вагоны пришлось переделывать¹⁶.

Кто занимался доставкой слонов? Во-первых, восточные слоновщики, махатуы — их было не менее двух-трех на каждого слона. Во-вторых, ответственный чиновник, который мог быть и переводчиком. Он должен был вести переписку по

¹² РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 1418; Оп. 14. Д. 987; Ф. 487. Оп. 8. Д. 6493, 6993.

¹³ РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 1418; Оп. 14. Д. 987; Ф. 487. Оп. 8. Д. 6493; Ф. 1282. Оп. 1. Д. 747.

¹⁴ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 1163. Оп. 1. Д. 749. Л. 2.

¹⁵ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6493.

¹⁶ РГИА. Ф. 258. Оп. 8. Д. 362.

Табл. 2. Перемещение слонов до Санкт-Петербурга (1796—1896)
Table 2. The transportation of elephants to St. Petersburg (1796—1896)

	Маршрут	Сопровождение в дороге
Слон из Бухары, прибыл в Санкт-Петербург в конце 1796 г.	Зимовка в Оренбурге в 1895—1896; путь через Москву	нет данных
Слон и слониха из Персии, прибыли в Санкт-Петербург в конце 1815 г.	Тифлис — Моздок — Новочеркасск (зимовка 1814—1815) — Воронеж — Москва — Санкт-Петербург	Военный эскорт под предводительством прапорщика Нижегородского драгунского полка Султана Крым-Гереева; два старших махauta и два младших
Фетибаш из Бухары, прибыл в Царское Село осенью 1839 г.	Бухара — Оренбург (зимовка 1838—1839) — Бузулук — Самара — в Симбирской губернии погружен на тихвинку и далее водным путем до Тосны — Царское Село	Переводчик Оренбургской пограничной комиссии М. Б. Первухин, четыре казака и урядник Оренбургского казачьего войска, три махauta «авганца» (в других документах — «азиатцы», «персияне»)
Гантру из Бухары, прибыла в Царское Село осенью 1849 г.	Бухара — Оренбург (зимовка 1848—1849) — Бузулук — Самара, в Симбирской губернии погружена на тихвинку и далее водным путем до Тосны — Царское Село	Переводчик Оренбургской пограничной комиссии Н. Ф. Костромитинов, четыре казака и урядник Оренбургского казачьего войска, три махauta: старший — Ашубай Мулла Мухамедов, младшие Камаль-Бай Ялдаров и Якапбай Габитов
Ляда из Бухары, прибыла в Царское Село осенью 1860 г.	Бухара — Оренбург (зимовка 1859—1860) — Бузулук — Самара, далее водным путем до Москвы, а затем по железной дороге до Царского Села	Оренбургский чиновник М. И. Винер, четыре казака и урядник Оренбургского казачьего войска и три махauta: Латиф-хан Дин Мухаметов, Гайнуми Джумитов и Зейнулин; последний заболел в Оренбурге, его сменил бежавший из бухарского плена персианин Гассан Агаин — во время зимовки слониhi в Оренбурге он так к ней привязался, что отправился с ней в Санкт-Петербург, в дороге служил также и переводчиком
Мавлюбаш, прибыл в Царское Село летом 1870 г.	Бухара — Ташкент (лето 1869) — Оренбург (зимовка 1869—1870) — Нижний Новгород, далее поездом до Москвы и до Царского Села	Ташкентский ветеринар М. Заушкевич, три бухарца-махauta: Хагам Якумбаев, Сафар Роганбаев и Гурдый Курбанбаев; переводчик Занду
Слоненок с Сейлона, прибыл в Царское Село летом 1891 г.	Морем до Одессы; поездом до Царского Села	Два синглезских махauta до Одессы; затем два служителя Петербургского зоопарка Сейфулла Сейтбурханов и Бадретдин Расульджанов (в некоторых документах — Рассюлджан)
Слониха из Абиссинии, прибыла в Царское Село в августе 1896 г.	Французским пароходом от Джибути до Порт-Саида, русским пароходом Царь до Одессы; поездом до Царского Села	Возвращающиеся участники II экспедиции Н. С. Леонтьева, абисинец Аламо

Источники: [Федотова, 2023, *Fedotova*, 2026]; РГИА. Ф. 258. Оп. 8. Д. 362; Ф. 468. Оп. 15. Д. 246, 1167; Ф. 472. Оп. 2. Д. 1418; Оп. 14. Д. 987; Ф. 482. Оп. 1 (1782/1958). Д. 4463; Ф. 487. Оп. 8. Д. 6497, 6908, 6493, 6993, 6996, 7115, 8997; ЦГИА СПб. Ф. 1163. Оп. 1. Д. 749.

пути следования с местными властями, организовывать ночлег, транспорт, поставку фуража и всего прочего необходимого в пути. В 1839 г. Фетибаша сопровождал переводчик Оренбургской пограничной комиссии Н.Ф. Костромитинов, слониху Гангру в 1849-м — переводчик М.Б. Первухин, а слониху Ляду в 1860 г. — пристав М.И. Винер¹⁷. В 1870 г. ответственным чиновником, сопровождавшим трех слонов, был ветеринар (что было новшеством), а переводчиком в 1860 и 1870 г. выступал один из младших махаутов. В-третьих, со слонами мог идти небольшой военный эскорт. Бухарских слонов в 1839, 1849 и 1860 г. сопровождали оренбургские казаки — пять человек, считая урядника. Когда слоны добирались до места, сопровождавшие получали награды за успешную доставку¹⁸, а один из махаутов мог остаться со слоном.

Перемещение колоссальных дипломатических подарков отмечала пресса. За 1860-е гг. удалось найти довольно подробные газетные репортажи, хотя они могли пересказывать не слишком точную информацию. Например, в мае 1860 г. сообщалось, что бухарский эмир подарил очень ценного белого слона¹⁹. Через пару месяцев и газетчики, и публика были разочарованы тем, что «новоприбывший слон (слониха Ляда. — *Прим. авт.*), как и все прочие слоны, мышинового цвета»²⁰. Аналогичное предположение делалось и в 1869 г., когда появились новости о трех слонах, подаренных Александру II²¹. В июне 1870 г. «Московские ведомости» подробно рассказали о прибытии трех слонов в Московский зоосад, сообщив их имена и возраст, однако трудно сказать, насколько надежны описания происшествий в дороге. В частности, сообщалось, что один из них, Мавлюк, отличался «буйным нравом» и за время пути травмировал двух слоновщиков²².

¹⁷ Формулярные списки Костромитинова см.: РГИА. Ф. 1286. Оп. 21. Д. 463; Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1127; дела по его службе см.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 82 (1846). Д. 6; Ф. 486. Оп. 2. Д. 1388. О Первухине см.: [Сартори, Шаблей, 2019]. Ни формулярные списки Костромитинова, ни статья о Первухине не упоминают «слоновых» миссий.

¹⁸ В 1815 г. каждый из двух старших слоновщиков получил 4 аршина сукна, 12 аршин московского атласа, серебряные часы и 50 руб. серебром; каждый из двух младших — 4 аршина сукна, 10 аршин московской тафты и 25 руб. серебром. Эти лица находились при полномочном после персидского двора, а бухарские махауты, пришедшие с Фетибашем, имели более скромный статус. Поэтому в 1839 г. старший махаут получил 5 аршин сукна, 10 аршин атласа и 30 руб. серебром; два его помощника — по 5 аршин сукна, 10 аршин атласа и по 15 руб. серебром. Костромитинов получил подарок из Кабинета ЕИВ в 600 руб. ассигнациями; казаки по 15 руб. серебром, а урядник — 25 руб. (РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 1418. Л. 23–25). Примерно такие же подарки получили махауты, казаки и переводчик Первухин, доставившие Гангру в 1849 г. (РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6493. Л. 17–18).

¹⁹ Северный цветок. 1860. 28 мая. № 22. С. 339.

²⁰ Северная пчела. 1860. 25 июля. № 164. С. 671–672.

²¹ «В настоящее время бухарский эмир, в доказательство своего особенного уважения к русскому царю, посылает в Петербург трех громадных белых слонов» (Слон // Мирской вестник. 1869. Кн. 11. Отд. 3. С. 75).

²² «Одного из них он в <...> Оренбурге поднял хоботом на воздух и затем бросил на землю; с другим он точно также обошелся на второй станции от Бузулука. Обоих этих бухарцев подняли за мертвое с земли, и живы ли они теперь после такого воздушного путешествия, товарищи их, бухарцы, не знают» (Слоны и лошади, посланные эмиром бухарским в подарок русскому двору // Московские ведомости. 1870. 3 июня. № 117. С. 3).

Организация слоновьей жизни в Царском Селе: восточные махауты в русском окружении

В XVIII и первой четверти XIX в. слоновник располагался в самом Петербурге, как правило, составляя часть Охотного двора. В первой четверти XIX в. он находился на Фонтанке, рядом с Обуховской больницей. Город рос, так что в начале царствования Николая I инфраструктуру императорской охоты решено было передвинуть в Петергоф, а слоновник — в летнюю резиденцию Романовых, в парк Царского Села (рис. 1). Это означало, наряду с прочими трансформациями, изменение статуса слонов, который сместился от церемониальных животных, «аватаров власти» [Pirogovskaya, 2025], ближе к статусу домашних питомцев Романовых.

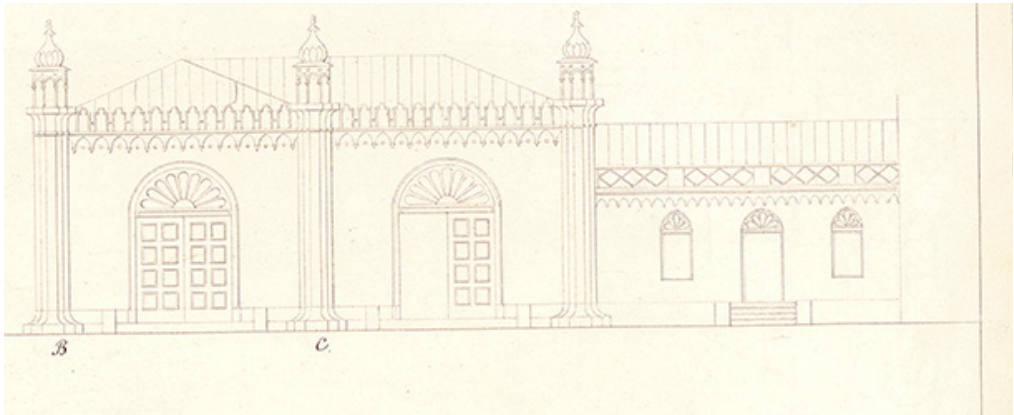

Рис. 1. Слоновий павильон, фасад, рис. архитектора И.А. Монигетти, 1849 г.
Источник: РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 987. Л. 20

Fig. 1. Elephant Pavilion, façade, drawing by architect Ippolito Monighetti, 1849.
Source: РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 987. Л. 20

Для XIX столетия пока обнаружено упоминание только двух торжественных событий с участием слонов: прибытие персидского посольства в Санкт-Петербург в честь заключения Гюлюстанского мира в декабре 1815 г., а через несколько дней — аудиенция посла у Александра I, в ходе которой были вручены подарки, в том числе слоны²³. Однако даже в Царском Селе слоны сохраняли часть своей представительской функции. Азиатские махауты и русские служители при слонах носили униформу с «восточным колоритом» (зеленые чекмени), а во время прогулок в праздничные дни слонов украшали узорчатыми попонами и подпругами с колокольчиками и кистями²⁴.

²³ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 747. Л. 47–63; Описание торжественного въезда персидского посольства в Санкт-Петербург, 20 декабря 1815 г. // Московские ведомости. 1816. 1 января. № 1. С. 2–3; Описание публичной аудиенции персидского чрезвычайного посла у ЕИВ, Санкт-Петербург, 23 декабря 1815 г. // Московские ведомости. 1816. 1 января. № 1. С. 3–4. См. также: [Fedotova, 2026b].

²⁴ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6493. Л. 30; Д. 6955. Л. 50.

В некотором смысле царскосельские слоны объединяли обе функции — домашних питомцев царской семьи и церемониальных животных. Это, с одной стороны, отражало «модерновые», «западные» тенденции, которые делали монархические семьи Европы XIX в. с их животными-компаньонами²⁵ более близкими к повседневной жизни. С другой стороны, содержание слона в качестве любимца августейшей семьи было явной декларацией более старых, сакральных и более «восточных» традиций. Если компаньоном «простого смертного» могла быть лошадь, собака или другое, небольшое и сравнительно привычное животное, то монарху (и его наследникам) подчинялся любой зверь, включая огромного и умного слона.

Слова Бюффона об исключительности слонов [Buffon, 1764, с. 2–3] вынесены в эпиграф не случайно. Статус дипломатического подарка сам по себе ничего не гарантировал другим животным. Ягуара, подаренного императором Бразилии в 1842 г., держали в тесной клетке, и он довольно быстро умер²⁶. Такая же участь постигла пару львов, подаренных негусом Абиссинии Менеликом II (именно он прислал африканскую слоницу, о которой речь пойдет ниже)²⁷.

Вместе со слонами в Петербург из Азии перемещались и махауты, а с ними — вся система организации ухода за слонами, т. е. происходил трансфер целого «технологического анклава», а не отдельных животных [Pirogovskaya, 2025]. Этим российская придворная практика отличалась от европейской — там обычно азиатский слоновщик, вскоре после прибытия слона на место назначения, отправлялся обратно на родину. Махаут нередко оставался со слоном при русском дворе на многие годы (табл. 3).

В помощники махауту в Царском Селе назначались по два человека на каждого слона из служителей императорской охоты. Попавший на службу к слонам зверовщик или егерь оставался при них надолго. Они кормили и поили слонов, пекли им пшеничные лепешки, выводили их на прогулки и т. д. Кроме них в царскосельский слоновник нанимали поденного рабочего для тяжелых работ (возка воды, колка дров, вывоз нечистот), женщину «для поддержания чистоты» и сторожа (табл. 3).

Однако осенью 1839 г. все три махаута, доставившие Фетибаша, возвратились в Бухару. На службу к слону был нанят Александр Александров, человек необычной судьбы. Он происходил то ли из персидских, то ли из константинопольских евреев, вероятно, из торговой среды. К 1821 г. он оказался в Петербурге, сменив и конфессию, и подданство²⁸. В России он служил курьером, станционным смотрителем, переводчиком на русско-персидской войне, участвовал в шпионской миссии и получил за это персональную пенсию. С 1825 по 1827 г. он был слоновщиком при

²⁵ По-видимому, отношения «человек и животное-компаньон» старше любой из цивилизаций; новшеством современной западной культуры было включение животных-компаньонов в общую капиталистическую инфраструктуру городов XIX–XX вв. [Ritvo, 1987].

²⁶ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6492.

²⁷ Львы были доставлены в Царское Село в начале февраля 1901 г. Предполагалось, что Николай II осмотрит их, и затем они будут переданы в один из зоосадов. Лев умер в конце марта, а львица — в начале апреля, так и не дождавшись высочайшей аудиенции (РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 7143).

²⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 228. Бумаги 1821 г. приводят его «старое» имя — Мардахей или Мурдухай Мусюев, а также указывают его покровителя — министр народного просвещения князь А.Н. Голицын.

Табл. 3. Слоновщики в Санкт-Петербурге и в Царском Селе (1796–1917)
Table 3. Elephant keepers in St. Petersburg and Tsarskoye Selo (1796–1917)

	Восточные махауты	Русские служители
Слон из Бухары, прибывший в Петербург в конце 1796 г.	Бухарцы Хан и Ахмет Бахмутов (в других документах — Мухаметев); жалование каждому 100 руб. в год + платье + хлебное жалование + квартира, с дровами и свечами. После смерти слона Хан отправился в Бухару, а Ахмет обосновался в Казани, где обзавелся семьей	Старший зверовщик Сергей Петров (жалование 36 руб. в год + платье + хлебное жалование + квартира), младший зверовщик (жалование 30 руб. в год + платье + хлебное жалование + квартира), женщина для печения лепешек на корм слону (30 руб. в год)
Слон из Персии, прибывший в Петербург в конце 1815 г.	«Персианин» Мухаммед Али Бек Люристан; после смерти слона в 1823 г. отправился на родину; жалование 100 руб. в мес. + квартира + 150–200 руб. в год на платье	Двое рабочих для тяжелых работ — уборка навоза, ношение воды, рубка дров, выпечка лепешек (25 руб. в мес. каждому)
Слониха из Персии, прибывшая в Петербург в конце 1815 г.	«Персианин» Айдар Али-Бек умер в ноябре 1825 г. Его заменил крещеный персидский еврей Александр Александров; жалование 100 руб. в мес. + квартира + 150–200 руб. в год на платье	Двое рабочих для тяжелых работ — уборка навоза, ношение воды, рубка дров, выпечка лепешек (25 руб. в мес. каждому)
Фетибаш из Бухары, прибывший в Царское Село осенью 1839 г.	Александр Александров (жалование 343 руб. серебром + квартира с дровами и свечами + униформа) умер в апреле 1845 г.; в 1845–1848 гг. — бухарский подданный Ассан Абдулин (уволен за пьянство в ноябре 1848 г.) с сентября 1849 г. — Камаль Ядгаров	Двое служителей имп. охоты: Алексей Сурков и Егор Лопухин (141 руб. в год каждому + квартира + награжденные в праздники), поленный рабочий (7 руб. в мес.), «женщина для наведения чистоты» (2 руб. в мес.) и сторож
Гантру из Бухары, прибывшая в Царское Село осенью 1849 г.	Бухарец Камаль Ятгаров (один из младших махаутов) остался в Царском Селе служить при двух слонах; жалование 343 руб. в год + квартира + униформа, через год жалование повышено до 543 руб.	Двое служителей имп. охоты Николай Пунин и Михаил Лопухин (те же условия)

Окончание табл. 3
End of Table 3

	Восточные махауты	Русские служители
Ляда / Ляда из Бухары, прибывшая в Царское Село в 1860 г.	Бухарец Камаль Ятгаров, жалование 720 руб. в год + квартира + униформа	Четверо служителей имп. охоты: Михаил и Егор Лопухины, Иван Сурков, Николай Пунин (последний в 1862 г. уволен «по болезни» — скорее всего за пьянство), поденный рабочий, «женщина для наведения чистоты» и сторож. Осенью 1864 г. Иван Сурков, выслуживший положенный срок, был уволен на пенсию
Мавлюбаш из Бухары, прибывший в Царское Село в 1870 г.	Бухарец Хагам Якумбаев, жалование 730 руб. в год + квартира + униформа	Двое служителей имп. охоты (Егор и Михаил Лопухины), поденный рабочий, «женщина для наведения чистоты» (3 руб. в мес.) и сторож. Егор Лопухин умер в феврале 1872 г.
Слоненок с Цейлона, прибывший в Царское Село в 1891 г.	Татарин Сейфулла Сейтбурханов из Ендовишинской вол. Сергачского уезда (был служителем Петербургского зоосада). Жалование 520 руб. в год + на платье + квартира	Нет данных
Слониха из Абиссинии, прибывшая в Царское Село в 1896 г.	Татарин Махмут Сейфулин из Ендовишинской вол. Сергачского уезда (был служителем Петербургского зоосада); уволен после смерти цейлонского слона в 1902 г. и нанят снова после смерти Сейтбурханова в 1913 г. Жалование 240 руб. в год + на платье + квартира; с 1913 г. — 520 руб. в год + на платье + квартира	Помощник с 1913 г. — сын Сейфуллы Сейтбурханова, Абдулла

слонихе на Охотном дворе [Fedotova, 2026b]. В 1839 г., когда ко двору прибыл новый слон, Александров подал ходатайство, чтобы вновь занять такую должность²⁹.

Точно так же, как слоны имели более высокий статус по сравнению с другими животными при дворе, махауты в придворной иерархии стояли выше смотрителей других животных. Это выражалось в более выгодных контрактах — жалование махаута было существенно больше, чем у смотрителя при любых других животных и даже чем у классного чиновника с похожей специализацией³⁰. Статус махаутов проявлялся и в том, что их экспертное мнение принималось во внимание. Если Александров заявлял, что слону нужны купания и для этого надо очистить, расширить и углубить один из прудов в парках Царского Села, а также сделать удобный спуск к воде, то именно это и делали³¹. Слоны были пленниками (в XIX в. слонов по-прежнему держали в помещении прикованными за ногу³²), но пленниками привилегированными, за которыми заботливо ухаживали. Если отталкиваться от категорий, предложенных Луизой Роббинс [Robbins, 2002], то русские придворные слоны были ближе к группе «избалованных», чем «порабощенных».

Во время службы Александрова он сам ведал выдачей денег своим подчиненным, закупкой корма (в частности, следил, чтобы сено, мука и все другие продукты были лучшего качества — см. прил. 1) и всех прочих припасов, принимал решения относительно рациона — например, с осени 1840 г. в холодное время года слону стали давать лук, чеснок, морковь и другие овощи³³. Иногда Александров покупал также финики³⁴. В документах нет объяснений, но, возможно, их использовали как лакомство, чтобы слон охотнее выполнял команды слоновщиков. Махауты, служившие позднее, видимо, пользовались меньшим доверием администрации, и всеми расходами по слонам с 1845 г. ведали смотрители императорской царскосельской фермы.

Не исключено, что махауты устанавливали режим посещения слонов, хотя прямых указаний на это пока не найдено. По мнению слоновщиков, большое количество посетителей беспокоило животных, поэтому публику допускали в ограниченном числе, в течение одного часа в середине дня. Разрешалось приносить слонам лакомства, особенно в виде фруктов, но не слишком много³⁵.

Рацион слонов оставался более или менее неизменным почти весь XIX в. Основную его часть составляли сено и пшеничный хлеб. Изменения зафиксированы

²⁹ РГИА. Ф. 519. Оп. 8. Д. 231; РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 487; РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 1418. Л. 28–30; Там же. Оп. 14. Д. 299; РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6908. Л. 28–30.

³⁰ К примеру, в 1850–1860-е гг. жалование махаута было в полтора раза выше содержания смотрителя зверинца Гатчинской охоты — чиновника X или IX класса (РГИА. Ф. 491. Оп. 4. Д. 291. Л. 80–87; Д. 314. Л. 1–6).

³¹ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6911. Л. 112–113, 130–140.

³² Обычная практика как на востоке, так и на западе; иногда слона приковывали за две или три ноги или, приковав за одну ногу, сковывали две или три ноги одной цепью (см. рис. 2). В зоосадах эта практика была оставлена только к концу XIX — началу XX в., когда для животных стали устраивать более просторные вольеры со рвами или другими надежными барьерами.

³³ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6916.

³⁴ См., например: РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6928. Л. 70.

³⁵ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6993. Л. 10; Ф. 487. Оп. 8. Д. 6493. Л. 29.

Рис. 2. Слон Мавлюк в Московском зоосаду, фототипия Р.Ю. Тиле, ок. 1900 г. Перед слоном профессора Н.М. Кулагин (в темном пиджаке), А.А. Тихомиров (в светлом пиджаке), Д.М. Россинский (за навесом, в черном пиджаке).

Источник: АРАН. Ф. 445. Оп. 2. Д. 179. Л. 70

Fig. 2. Mavlyuk the Elephant at the Moscow Zoo, photo by R.Yu. Thiele, circa 1900. In front of the elephant are professors Nikolay Kulagin (in a dark jacket), Alexandre Tikhomirov (in a light jacket), and professor Dmitry Rossinsky is behind the canopy (in a black jacket).

Source: АРАН. Ф. 445. Оп. 2. Д. 179. Л. 70

только в 1890-х гг. Рацион стал, как мы бы сказали сегодня, более сбалансированным, разнообразным, и, по некоторому совпадению, в него вернулся «восточный колорит»³⁶ в виде риса и изюма (см. прил. 1). Впрочем, в этом рационе по-прежнему не хватало веточного корма.

Несколько раз в год слона мыли щетками с мылом (что, по отзывам махаутов, слоны очень любили)³⁷, а после этого кожу натирали маслом. В XIX в. для этого использовали дешевый сорт оливкового, так называемое деревянное масло. Его требовалось много (около полутора пудов на треть года для одного слона)³⁸, но эти расходы не вызывали возражений. Слонам в неволе надо подрезать ногтевые пластины на передней поверхности стопы, и поэтому Александров покупал нужные инстру-

³⁶ Рацион «русских» придворных слонов XVIII в. включал рис и маш [*Pirogovskaya*, 2025].

³⁷ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6993.

³⁸ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6943. Л. 17; Ф. 487. Оп. 8. Д. 6955 и т. д.

менты: «в инструментальной лавке у Казанского моста» «английскую пилу для резания ногтей», «английский ножик складной для резания мизинца, а для выравнивания ногтей — английский напилочек»³⁹. Кроме того, Фетибашу, очевидно, подпиливали бивни до $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ их обычной длины, что было обычной практикой в отношении ручных слонов на Востоке⁴⁰. Такие манипуляции требуют терпения со стороны слона и его доверительного отношения к махауту. По фото известного своим буйным нравом Мавлюка в Московском зоосаду видно, что ему никто не рисковал подпиливать бивни и ногти (см. рис. 2).

Александров умер в апреле 1845 г. На его место в июне того же года был принят на службу с тем же содержанием бухарский подданный Ассан Абдулин. Совершенно не ясно, какую подготовку имел Абдулин и по чьей рекомендации он был нанят. По-видимому, он не был усердным работником — пил, конфликтовал со своими русскими подчиненными и с непосредственным начальником, смотрителем императорской фермы. В ноябре 1848 г. Абдулин был уволен⁴¹. В это время в Царском Селе уже ожидали новый живой подарок из Бухары — слониху Гангру с ее слоновщиками, так что нового махаута искать не стали. Фетибаш до сентября 1849 г. находился на попечении только русских зверовщиков (они служили при нем уже десятый год)⁴². Сам факт найма Александрова, а затем Абдулина, т. е. возможность найти нужных специалистов прямо на месте, в те годы, когда в России еще не было зоосадов, да и передвижные зверинцы были сравнительно редки, говорит, что мы, по-видимому, существенно недооцениваем глобализацию и мультиэтничность имперской столицы в те годы.

Слониха Гангру прибыла в Царское Село в начале сентября 1849 г. Младший из сопровождавших ее трех махаутов, бухарец Камаль Ятгаров, согласился остаться в Царском Селе, чтобы заботиться о Гангру и Фетибаше. Двое других махаутов вместе с казаками и переводчиком Оренбургской пограничной комиссии отправились в обратный путь⁴³.

Следующим летом Камаль Ятгаров попросил поднять ему жалованье, чтобы он мог отправлять деньги родителям в Бухару, или отпустить его на родину⁴⁴. Как показал опыт с Абдулиным, найти компетентного слоновщика в Петербурге было непросто, поэтому жалованье Ятгарову увеличили. Он обзавелся женой, а затем и детьми. Сложно сказать, отправлял ли он деньги на родину или это с самого начала был лишь риторический прием. Ятгаров прожил в Царском Селе в общей сложности более 15 лет при трех слонах и уехал на родину весной 1865 г. с женой и пятью

³⁹ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6911. Л. 38.

⁴⁰ Указания на подпиливание бивней имеются в документах XVIII [Pirogovskaya, 2025] и первой четверти XIX в. [Fedotova, 2026b]. В отношении царскосельских слонов прямых указаний на это нет, но чучело Фетибаша в Воронежском университете имеет муляжи укороченных бивней.

⁴¹ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6943. Л. 21–22; Там же. Д. 6951; РГИА. Ф. 478. Оп. 1, разд. 3/1002. Д. 122.

⁴² РГИА. Ф. 478. Оп. 1, разд. 3/1002. Д. 122; Ф. 487. Оп. 8. Д. 6951; Там же. Д. 8928. Л. 135–136, 192; Там же. Д. 8940. Л. 338–339.

⁴³ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6493; РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 987; ЦГИА СПб. Ф. 1163. Оп. 1. Д. 749.

⁴⁴ РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 987. Л. 36–37.

детьми⁴⁵. В 1858 г. Ятгаров просил наградить его медалью, а осенью 1864 г. обеспечить пенсией, но оба эти ходатайства остались неудовлетворенными⁴⁶.

«Технологический анклав», обеспечивавший уход за слонами, существовал в Царском Селе в 1830–1870-х гг., как и в более ранние годы на Охотном дворе [Pirogovskaya, 2025], почти замкнуто, испытывая очень мало влияния со стороны и оказывая мало влияния на практики других служб и служителей Царскосельского дворца и парков или на знания об экзотических животных и уходе за ними за пределами этого мирка. По крайней мере до нас не дошло ни одной истории о царскосельском мальчишке, который сбегал бы с уроков, чтобы помогать махауту, а позднее стал бы дрессировщиком слонов⁴⁷; или о садовнике, который выращивал бы в оранжереях Царского Села роскошные цветы и фрукты к императорскому столу, используя слоновий навоз в качестве исключительного удобрения⁴⁸. Ничего замечательного не известно ни о последующей судьбе русских помощников азиатских слоновщиков (табл. 3), ни о посещении царскосельского слоновника натуралистами⁴⁹.

Оговорка «почти» в отношении изолированности технологического анклава состоит в том, что «азиатская» система ухода, основанная на традиционном знании, постепенно упрощалась. Если в XVIII в. в диету придворных слонов входили такие «азиатские» продукты как рис, маш, нут или изюм [Pirogovskaya, 2025], то большую часть XIX в. они в слоновьем рационе не упоминаются (прил. 1). Кроме того, восточная экспертиза начала уступать практикам, основанным на «западном» знании, претендующем на рациональность. После смерти Александрова в 1845 г. ни один махаут не имел такого же авторитета, но их жалованье оставалось сравнительно высоким еще в 1870-х гг. Еще явственнее эти изменения заметны в том, как менялась организация контроля за здоровьем слонов.

«Традиционное» восточное vs «научное» западное знание: здоровье слонов

В статье 2005 г. Суджит Сивасундарам объясняет, как в XIX в. традиционное знание о слонах даже в Южной Азии начинает уступать авторитету западной на-

⁴⁵ В мае 1865 г. Камалю Ядгарову было 43 года. Его семья состояла из жены (Гильма Вафа, в девичестве Якгубова, 30 лет), трех сыновей (Мирза Насрулла, 10 лет, Мир Фейзула, 7 лет, и Мир Иосиф, 1 год) и двух дочерей (Зинат, 8 лет, и Биби Зюгря, 3 года). РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 7019. Л. 28.

⁴⁶ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6982. Л. 25–32; Там же. Д. 7019.

⁴⁷ Мальчишкой, сбегавшим с уроков, чтобы помогать ухаживать за слонихой, был Вадим Евгеньевич Гарутт (1917–2002), ставший крупным специалистом по хоботным [Гарутт, 2018].

⁴⁸ В документах по Царскому Селу нет никаких указаний, что операции со слоновьим навозом чем-либо отличались от операций с навозом с фермы. Его отвозили в специально отведенное место недалеко от фермы, а оттуда перепревший навоз брали для теплиц, садов и полей (Журналы заседаний Царскосельского Дворцового правления — РГИА. Ф. 487. Оп. 8).

⁴⁹ Имеется мнение, что П.К. Клодт изобразил на памятнике И.А. Крылову именно Фетибаша, и для выполнения набросков он ездил в Царское Село. Эта версия нуждается в документальном подтверждении. Клодт мог использовать в качестве модели и чучело слона в Зоологическом музее Академии наук.

уки, базирующейся на том, что считалось рациональной естественной теологией [Sivasundaram, 2005]. При петербургском дворе второй трети XIX столетия, где одновременно служил лишь один махаут, сопротивление традиционного восточного знания «научному» западному было весьма условным. Система, при которой решения относительно здоровья придворных слонов принимали махауты [Pirogovskaya, 2025; Fedotova, 2026b], почти сошла на нет после смерти Александрова в 1845 г., хотя один ее аспект сохранялся до 1870-х гг. — получение смеси специй как ежедневного «лекарства».

В соответствии с принципами слоновьей аюрведы слоны ежедневно получали смесь специй, считавшихся необходимыми для поддержания их здоровья. Смысл этих пряностей обсуждает в своей статье М.М. Пироговская ([Pirogovskaya, 2025]; список специй, которые ежедневно получал Фетибаш, см. в таблице 4). Для Фетибаша их закупал ветеринар царскосельской фермы, а не махауты, как это было для более ранних слонов при дворе, — возможно, потому что ветеринар чаще ездил в Петербург. Когда в Царском Селе поселилась Гангру, этот же набор специй стали закупать в двойном размере⁵⁰. Фактически уже это было отходом от принципов аюрведы: для каждой категории слонов нужно было составлять свою смесь. Гангру была самкой и примерно на 10 лет моложе Фетибаша, т. е. она должна была получать другую смесь.

Табл. 4. Смесь специй для Фетибаша

Table 4. Spice mix for Fetibash

	Количество	Сумма (в ассигнационных рублях)
Мелкого порошка сонного зелья <i>Pulveris opii puri</i>	4 унции 0,5 драхм 15 гран	26 руб.
Мелкого порошка восточного шафрана <i>Pulveris Croci Orientalis</i>	4 унции 0,5 драхм 15 гран	48 руб. 75 коп.
Мелкого порошка кучелабы <i>Pulveris Nucis Vomicae</i>	1 фунт 1 унция	6 руб. 24 коп.
Мелкого порошка горькой тыквы <i>Fructus Colocynthis preparati</i>	6,5 унций	7 руб. 80 коп.
Мелкого порошка укропного семени <i>Pulveris Seminis Anethi foeniculi</i>	2 фунта 2 унции	4 руб. 16 коп.
Мелкого порошка тминного семени <i>Pulveris Seminis Cari Carvi</i>	1 фунт 10 унций 6 драхм	3 руб. 52 коп.
Мелкого порошка кардамонного семени <i>Pulveris Seminis Cardamomi</i>	1 фунт 1 унция	33 руб. 28 коп.
Мелкого порошка айрного корня (<i>acori calami</i>) <i>Pulveris Radicis Calami Aromatici</i>	1 фунт 9 унций 1 драхма	6 руб. 76 коп.
Мелкого порошка имбирного корня <i>Pulveris Radicis Zingiberis</i>	2 фунта 10 унций 1 драхма	10 руб. 92 коп.
Мелкого порошка желтого корня (куркума) <i>Pulveris Radicis Curcumae</i>	1 фунт 2,5 унций 1 драхма	2 руб. 34 коп.
Мелкого порошка русского перца <i>Pulveris piperis Nigri</i>	1 фунт 10 унций 1 драхма	8 руб. 85 коп.

⁵⁰ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6955. Л. 17–18, 41–42, 76–77.

Окончание табл. 4
End of Table 4

	Количество	Сумма (в ассигнационных рублях)
Мелкого порошка ароматной гвоздики <i>Pulveris Caryophilli Aromatici</i>	9 унций 6 драхм	9 руб. 75 коп.
Мелкого порошка вонючей камеди <i>Pulveris Gummi Assaefoetidae</i>	1 фунт 9 унций 1 драхма	25 руб. 35 коп.
Всего		193 руб. 72 коп.

Medicus Veterinarius Seperioris Ordinis Petiugavov

Источнику: РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6908. Л. 71, 74; аналогичные списки имеются в делах по той же описи за другие годы, см. к примеру: Д. 6916. Л. 5, 7; Д. 6911, Л. 15, 51–54, 109; Д. 6928, Л. 22–23.

В отношении Ляды специи упоминаются только в бумагах о передаче слониhi, т. е. не исключено, что Ляда получала их только по пути в столицу⁵¹. Мавлюбаш, живший в Царском Селе с 1870 по 1872 г., на неделю получал «2 фунта топленого бараньего или говяжьего сала или масла с толченым перцем (¼ фунта), гвоздикой (¼ фунта) и инбирем (¼ фунта)»⁵², т. е. состав смеси стал более простым. Слоны, появившиеся в Царском Селе в 1890-х гг., таких специй не получали вовсе.

В целом можно говорить, что в XIX в. аюрведические практики в уходе за слонами постепенно уступали практикам «западной» ветеринарии. В 1815–1827 гг., когда в слоновнике на Волынском охотном дворе жили слоны, присланные из Персии, решения, как их лечить и какие лекарства для этого покупать, принимали махауты, в том числе Александров [*Fedotova*, 2026b]. Мы не знаем, были ли у Фетибаша какие-либо проблемы со здоровьем до середины 1840-х гг., в то время, когда за ним ухаживал Александров. Но в 1846 г. лечением раны на ноге Фетибаша занимался не махаут Абдулин, а ветеринар Яковлев, служивший при Лейб-гвардии Гусарском полке ЕИВ, квартировавшем в Царском Селе⁵³. Весной 1847 г. для консультации по поводу «воспаления дыхательных органов» у Фетибаша по просьбе Яковлева в Царское Село приглашали адъюнкт-профессора ветеринарии Медико-хирургической академии Егора Ивановича Шитта (1797–1864)⁵⁴.

Хотя к середине XIX в. физиология животных как научная дисциплина уже достигла некоторых успехов, ветеринарные практики все еще базировались на принципах гуморальной медицины, и в этом смысле методы западной ветеринарии име-

⁵¹ Список «слоновых» вещей, полученных в Царском Селе вместе с Лядой, включал «деревянные ящики с лекарствами инбирем, александрийским листом (*Senna alexandrina*, могла употребляться как слабительное. — *Прим. авт.*), кучелобой (челибуха, рвотные орешки. — *Прим. авт.*) и суриком» (РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6996. Л. 49). Документы по Царскосельскому дворцовому управлению (Ф. 487) за большую часть XIX в. сохранились неплохо, и поэтому можно предполагать, что специи для Ляды не покупались.

⁵² РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6495. Л. 31. Из документов не ясно, делилось ли это количество на 7 дней или давалось за один раз.

⁵³ О визитах Яковлева к Фетибашу см.: РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6938. Л. 25–27; Д. 6943. Л. 20–22.

⁵⁴ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6943. Л. 31–34.

ли мало преимуществ перед «традиционным» восточным знанием. Так, ветеринар Р.К. Бурсиан, служивший при царскосельской ферме в 1850–1860-х гг.⁵⁵, определил в качестве причины энтерита у ламы «простуду желудка», которая началась из-за того, что животное поедало стебли травы, покрытые первым снегом. Чуму крупного рогатого скота Бурсиан не только пытался лечить желчью, смешанной с водкой, но и заявлял, что метод оказался успешным [Бурсиан, 1853, 1856].

С 1850-х гг. у Фетибаша случались «приступы болезни», которые ветеринары определили как диабет. По сохранившимся кратким описаниям можно предполагать, что это был не диабет и не какая-либо другая болезнь, а муст⁵⁶. Опытные махауты, в отличие от западных ветеринаров, знали, что такое муст, и владели приемами, позволявшими облегчить этот период для животного и для окружающих. В Европе к середине XIX в. о мусте могли знать содержатели цирков и зверинцев, которые специализировались на слонах, а также ветеринары, имевшие опыт работы в Южной Азии. К примеру, в 1841 г. один из британских ветеринаров, служивших в Индии, издал брошюру о слонах как тягловых животных и об их болезнях⁵⁷. Однако, во-первых, описание муста в этой брошюре очень краткое. Во-вторых, автор дал только один рецепт облегчения симптомов муста, добавляя, что в этом вопросе надо доверять опыту надежного махаута. В-третьих, вероятность, что эта или аналогичная работа попала в Петербург, невелика. Ветеринары, получившие обычное для Европы образование, т. е. специализировавшиеся на лошадях и рогатом скоте, имели мало шансов знать о мусте. Можно спекулировать о том, что мог знать о нем Камаль Ятгаров. Он прибыл в Петербург с молодой слонихой, а не со слонем-самцом. Живя в Петербурге, он был отрезан от других махаутов и не имел возможности «повысить квалификацию». Нельзя также исключать, что Ятгаров пытался рассказать про муст ветеринарам, но те не интересовались мнением малообразованного «азиатца», каким им мог казаться Камаль.

Описаний того, как лечили царскосельских слонов, удалось обнаружить очень мало. Сохранившиеся документы сводятся в основном к двум схемам. Это: 1) рапорт царскосельского ветеринара о том, что зверь болен, но примененный способ лечения действует и слон скоро будет здоров; 2) рапорт о том, что слон болен, и для сохранения здоровья ценного животного необходима консультация профессора из Медико-хирургической академии; в следующем рапорте приглашенный коллега одобряет лечение, назначенное царскосельским ветеринаром. И в первом, и во

⁵⁵ РГИА. Ф. 487. Оп. 21. Д. 1106. Л. 35–46.

⁵⁶ У взрослых самцов обычно раз в год на несколько недель резко поднимается уровень некоторых гормонов и меняется ряд других физиологических показателей. Они не могут нормально есть, становятся исключительно агрессивны и проявляют другие неприятные для себя и для окружающих признаки. В описаниях сезонной «болезни» Фетибаша упоминается «мочевой понос» (см., например: РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6965Б. Л. 9), что может быть признаком не только диабета, но и муста. Еще более определенно свидетельствует о мусте упоминание темпорина, стекавшего из височных желез: «...на щеках открывались раны, из которых выходила материя вроде жира» (РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6993. Л. 10).

⁵⁷ [Gilchrist, 1841]. Обзор того, что писали британские авторы об индийских слонах в первой половине XIX в., см.: [Sivasundaram, 2005].

втором случае в документах зафиксировано мало конкретики в описании способов лечения, и зачастую не приводилось ни описания симптомов, ни диагноза⁵⁸.

Одно из немногих исключений приходится на конец лета — начало осени 1853 г. Во время очередного муста⁵⁹ Фетибаш почти полностью потерял аппетит, исхудал, почему к нему и был вызван ветеринар Бурсиан. Последний назначил лечение от «расстройства пищеварительных органов вследствие простуды» и просил пригласить коллегу из Медико-хирургической академии. Прибывший адъюнкт-профессор Е.И. Шитт одобрил лечение, начатое Бурсианом⁶⁰. Кроме диагноза (расстройство пищеварительных органов и мочевого понос) в данном случае сохранился список лекарств, купленных Бурсианом для лечения слона: корень ревенный (ревень лекарственный) 1 фунт, калган 2 фунта, шафран восточный 9 унций, челибуха 9 унций, колоцин (колоцинт) 1 фунт⁶¹. Все это — лекарства из арсенала скорее «гуморальной», чем того, что мы бы могли назвать «научной» медициной.

Второе исключение — это болезнь Гангру зимой 1858–1859 гг., о чем Бурсиан опубликовал статью. Он задокументировал применение огромных количеств каломели (хлорида ртути) в качестве лекарства от запора и воспаления кишечника, клизм на том этапе, когда запор перешел в понос, и прочие решения в логике гуморальной медицины [Бурсиан, 1859]. Слониха выжила, несмотря на продолжительное лечение с помощью слоновых (в прямом смысле слова) доз каломели и слабительных. Также из статьи видно, что, несмотря на жестокие с сегодняшней точки зрения методы лечения, о слонах искренне заботились. Больную слониху укрывали коврами, ее, ослабшую, мыли от вонючих испражнений и вливали ей в рот питье, ей предлагали именно ту еду, которую она в данный момент была готова принять, ее постоянно навещал ветеринар и т. д. В 1850-х гг. к царскосельским слонам приезжал по просьбам Бурсиана профессор Медико-хирургической академии Григорий Михайлович Прозоров (1803–1885) — вероятно, самый авторитетный ветеринар Петербурга в те годы⁶².

Если Прозоров или Шитт, на протяжении нескольких лет навещавшие слонов и консультировавшие царскосельских ветеринаров, и делали попытки найти печатные работы о физиологии или лечении хоботных, то до нас эта информация не дошла. Петербургские библиотечные каталоги не упоминают восточных текстов о слонах или работ, подобных брошюре Гилкрита [Gilchrist, 1841], т. е. пересказов того, что западный ветеринар мог узнать от восточных махаутов. Приходится констатировать, что в Петербурге, так же как в Южной Азии, «западное» знание выдавливало «восточную» экспертизу. Зоологи и ветеринары, получившие обычное для Европы образование, мало интересовались тем, что же восточное знание могло предложить в отношении животных, о которых на Востоке был накоплен огромный опыт.

⁵⁸ См., например: РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6965Б. Л. 5–9; Д. 6968. Л. 20–24; Д. 6982. Л. 38–40.

⁵⁹ Бурсиан ссылается на «мочевого понос, бывающий у слона кажногодно» (РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6965Б. Л. 9). Обильное мочеиспускание — один из признаков муста, но также и диабета, который ветеринары и подозревали у Фетибаша, не имея представлений о мусте.

⁶⁰ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6965Б. Л. 5.

⁶¹ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 8967. Л. 404.

⁶² РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6968. Л. 22–24; Д. 6982. Л. 40, 55–59.

Более того, мне до сих пор не удалось найти какие-либо указания на проявление интереса к *живым* придворным слонам со стороны *профессиональных* зоологов. То же самое фиксируется в отношении других крупных млекопитающих: интерес широкой публики соседствовал с безразличием со стороны профессиональных зоологов. Царскосельские слоны так же мало интересовали академическое сообщество, как зубры Гатчинской императорской охоты и охотничьих угодий князя Плесс (Силезия) или ибексы Гран-Парадизо (Альпы) [Nyhart, 2009; Hardenberg, 2021; Федотова, 2026а]. Экологии и этологии как отдельным областям исследований еще только предстояло сформироваться. Описания жизни отдельных видов мегафауны в дикой природе или в неволе в форме, выходящей за пределы морфологического и анатомического описания вида, могли появиться на страницах изданий, адресованных широкому кругу читателей, но не коллегам по академической среде [Soderqvist, 1986].

В тех немногих случаях, когда натуралисты все-таки проявляли интерес к подобным животным, Министерство двора такой интерес «внешних» экспертов не поощряло, несмотря на то что администраторы с мест подавали рапорты о необходимости пригласить специалиста. Например, финансирование экспедиции по изучению зубров в 1906–1908 гг. было получено с огромным трудом, а деньги на издание итогового труда так и не были выделены, хотя это было скромной суммой по сравнению с тем, сколько тратилось на охрану зубров в Беловежской пуше⁶³. Примерно в те же годы управляющий княжеством Лович, куда Романовы приезжали почти каждый год для охоты на оленей, планировал пригласить зоолога для изучения паразитов оленей. Министерство не запретило приезд специалиста, но и выделить средства на его командировку отказалось⁶⁴.

Ненужная роскошь, надоевшие игрушки: передача царских слонов в публичные зверинцы

Весной 1859 г. бухарский эмир отправил очередной подарок русскому царю — слониху Ляду. Для Министерства двора это означало новые хлопоты и расходы, включая необходимость пристройки к слоновому павильону помещения для третьего животного. Чтобы избежать этого, еще до прибытия Ляды было решено избавиться от Фетибаша и Гангру. В начале мая 1860 г. они были переданы в частный передвижной зверинец, который в это время находился в Петербурге и принадлежал прусскому подданному Готтлибу Крейцбергу⁶⁵.

Не вполне ясно, почему слоны были отданы именно Крейцбергу. Он специализировался на больших кошках и вообще хищниках и прославился экстремальной дрессурой. Даже авторы 1850-х и 1860-х гг. нередко описывали его представления

⁶³ РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 409.

⁶⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 24. Д. 1182.

⁶⁵ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6996. Слоны были отведены в Петербург в ночь с 6 на 7 мая 1860 г. Готтлиб Крейцберг (Gottlieb Kreuzberg, 1810/1814–1874) в свое время был одним из самых известных содержателей зверинцев в Европе.

как жестокие⁶⁶. Крейцберг не был единственным кандидатом на слонов: в Петербурге более 30 лет существовал зверинец Вильгельма Зама⁶⁷. Остается предполагать, что у Крейцберга нашлись близкие ко двору покровители.

В частном зверинце слонов, привыкших к заботливым служителям, прогулкам в парке, уединению и комфорту, ждали гораздо более суровые условия жизни⁶⁸. Гвоздем программы Крейцберга был «африканский пир» — общее кормление хищников⁶⁹. Фетибаш умер через несколько недель. Гангру прожила дольше, хотя сложно сказать, насколько именно. В московских газетах с осени 1861 по апрель 1862 г. печатались объявления о зверинце Крейцберга, выступления которого включали учебного слона⁷⁰. Не исключено, что речь идет о Готтлибе Крейцберге и о Гангру, но это мог быть другой представитель семьи Крейцбергов и (или) другой слон. В августе 1862 г. в московских газетах вновь появились объявления о слоне, которого показывали «на Новинском валу во вновь устроенной временной арене», но эти объявления были более скромными и не упоминали Крейцберга⁷¹. В середине октября Московская аукционная камера продавала от имени Московской управы благочиния 18-летнего слона «вышины 4 $\frac{1}{4}$ аршин, длины 6 аршин, весом до 300 пуд, и фургон для помещения слона во время дороги, принадлежащий прусскому подданному Крейцбергу, на месте нахождения, Арбатской части, в балагане под Новинским, оцененные: слон в 25 рублей, а фургон в 10 рублей»⁷². «Биржевые ведомости» добавляли: «...это тот самый несчастный слон, которого покинул Крейцберг за его дурное поведение и который существовал до сих пор частною благотворительностью и призрением московской полиции»⁷³.

⁶⁶ Петербургская летопись // Санкт-Петербургские ведомости. 1858. 26 октября. № 234. С. 1–2; Москвич. Письмо из Москвы // Русский инвалид. 1857. 6 декабря. № 264. С. 1092–1096; Петербургская жизнь. Заметки нового поэта // Современник. 1858. Т. 72. № 11. С. 131–160; Письмо из Москвы // Русский инвалид. 1858. 14 мая. № 101. С. 435–436.

⁶⁷ После прибытия в Царское Село слонихи Ляды Зам ходатайствовал о том, чтобы слониху отдали в его зверинец. Министерство двора отказало сначала по той причине, что в Петербурге все еще находились бухарские посланники, а позднее — без объяснения причин (РГИА. Ф. 482. Оп. 1, разд. 782/1958. Д. 4463).

⁶⁸ К примеру, в 1858 г. в зверинце Крейцберга, находившемся тогда в Москве, умер молодой слон. Его тело купил зоологический кабинет университета св. Владимира (РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 895. Л. 82).

⁶⁹ «Общее кормление» происходило «при вое, рыканиях, завывании, писке и крике. Страшный концерт, невольно наводящий ужас. <...> все это, может быть, и любопытно, но вовсе не привлекательно. Невольное чувство ужаса сжимает сердце, нервы болезненно напрягаются и доводят вас до лихорадочного состояния» (Петербургская летопись // Санкт-Петербургские ведомости. 1858. 26 октября. № 234. С. 2).

⁷⁰ См. объявления в «Ведомостях Московской городской полиции»: 1861. 11 ноября. № 247; 1862. 2 января. № 1; 1862. 15 марта. № 58; 1862. 6 апреля. № 77. Размещался зверинец на Лубянской площади, а во время пасхальных праздников — на месте Подновинского гулянья. Описание зверинца см.: Письмо из Москвы // Русский инвалид. 1861. 29 ноября. № 265. С. 1096.

⁷¹ См., например: Ведомости Московской городской полиции. 1862. 11 августа. № 173.

⁷² Ведомости Московской городской полиции. 1862. 15 октября. № 221; 17 октября. № 223.

⁷³ Биржевые ведомости. 1862. 21 октября. № 224. С. 1.

В пользу того, что это могла быть Гангру, говорит только возраст животного. Весной того же 1862 г. столичные газеты писали о молодом азиатском слоне Джеке, «взбунтовавшемся» у Крейцберга (возможно, это был муст). В какой-то момент планировалось его отравить цианидом, но казнь была отложена⁷⁴. Мог ли Крейцберг выдавать слонику Гангру за молодого самца, какова дальнейшая судьба этого слона (или этих двух животных) — пока неясно.

Слониха Ляда прибыла в Царское Село 3 июля 1860 г. Старший махаут Латиф-хан Дин Мухаметов либо не хотел оставаться в Петербурге, либо наслушался рассказов про выгодную службу у белого царя. Он запросил непомерно высокое жалованье и другие привилегии⁷⁵. В итоге Министерство двора продлило контракт с Камалем Ятгаровым, который все еще находился в Царском Селе. Ятгарову была обещана прибавка к жалованью, так что он остался при Ляде⁷⁶, а в качестве его помощников остались все те же четверо служителей императорской охоты⁷⁷.

В 1864 г. великий князь Николай Николаевич Старший обратился с ходатайством отдать слонику для первого в империи зоологического сада, недавно созданного в Москве, — Николай Николаевич Старший был попечителем общества, создававшего зоосад. Ходатайство было удовлетворено, и конце сентября 1864 г. Ляда была оправлена по железной дороге в Москву⁷⁸. Слониха Ляда упоминается в газетных заметках о зоосаде по крайней мере до 1868 г.⁷⁹

В 1869 г. бухарский эмир подарил русскому царю трех взрослых слонов. По-видимому, еще в то время, когда слоны находились в пути, было принято решение передать двух слонов столичным зоопаркам. Московский зоосад получил самца Мавлюка, а Петербургский — самку Чанчал. Третий слон, Мавлюбаш, прожил два года в Царском Селе, но в 1872 г. также был передан в Петербургский зоопарк. Мавлюк прожил до сентября 1903 г. и часто упоминался в газетных заметках, а также в отчетах по зоосаду [*Попов*, 18786; *Кулагин, Петров*, 1895]. Поводом для новостей мог становиться «дурной характер» Мавлюка (он несколько раз вырывался на волю, нападал на служителей), плачевное состояние слоновника, а также дурное обращение служителей с животными — реальное или мнимое⁸⁰ (рис. 2).

Петербургский зоосад, в отличие от Московского, был частным предприятием, его отчетов не составлялось, а архивных документов сохранилось мало. В газетах

⁷⁴ Из Москвы (15 мая) // Русский инвалид. 1862. 22 мая. № 112. С. 379.

⁷⁵ Мухаметов потребовал жалованья 1 000 руб. в год себе и 600 — помощнику, говорящему по-русски, при казенных квартирах, кроме того, возможность за казенный счет съездить с сопровождающим лицом в Оренбург за своей женой (РГИА. Ф. 482. Оп. 16, разд. 782/1958. Д. 4463. Л. 17–20).

⁷⁶ Жалованье Ятгарова за время службы при Фетибаше и Гангру составляло 543 руб. в год при казенной квартире и униформе; на время службы при Ляде ему увеличили жалованье до 720 руб. в год (РГИА. Ф. 482. Оп. 1, разд. 782/1958. Д. 4463).

⁷⁷ РГИА. Ф. 487. Оп. 7. Д. 4352.

⁷⁸ РГИА. Ф. 472. Оп. 15, вн. оп. 91/929. Д. 43; Ф. 487. Оп. 8. Д. 7019.

⁷⁹ А-в. Московский зоологический сад // Русский инвалид. 1868. 5 октября. № 272. С. 3; более ранние ее упоминания: Русский инвалид. 1865. 26 января. № 20; 25 сентября. № 210.

⁸⁰ Прогулка слона по Москве. 30 сентября 1877 г. // Петербургский листок 1877. 4 (16) октября. № 192. С. 3; *Москвич*. О слонах Московского зоопарка // Московские ведомости. 1915. 10 (23) сентября. № 208. С. 2.

появлялись объявления о представлениях и сообщения о происшествиях, но зачастую эта информация недостаточно полная и надежная. Не исключено, что Мавлюбаш прожил в Петербургском зоосаде как минимум до начала 1874 г., и в заметке, напечатанной во «Всемирной иллюстрации» об испуганном слоне, бежавшем по улицам города, речь идет о нем⁸¹ (рис. 3).

Можно говорить, что создание зоологических садов, сначала в двух столицах в 1860-х гг., а в начале XX в. — и в других городах империи, придало новый смысл живым подаркам, адресованным монархам. Теперь дар в виде животного преподносился не только императору как олицетворению государства, но и всем жителям империи, которые получали возможность увидеть это необычное животное в зоосаду. Некоторые из живых подарков передавались в зоосады не сразу, а после нескольких месяцев или лет при дворе⁸².

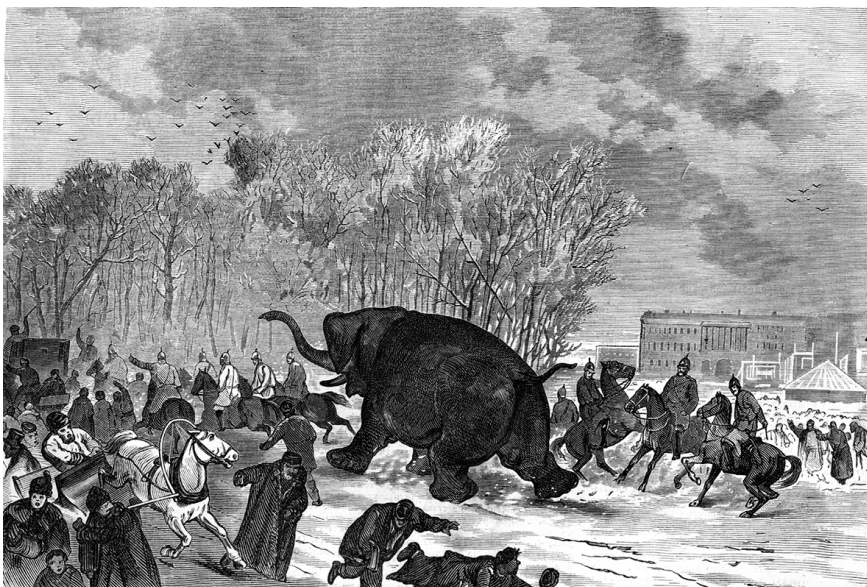

Рис. 3. Бегство слона из балагана Роста во время Масленицы, 9 февраля 1874 г.
Рисунок Н.Н. Каразина, гравер К. Вейерман.

Источник: Всемирная иллюстрация. 1874. Т. 11. № 9. С. 148

Fig. 3. The Elephant escapes from Rost's booth during Maslennitsa, February 9, 1874.
Drawing by Nicolay Karazin, engraver K. Weyerman.

Source: Всемирная иллюстрация. 1874. Т. 11. № 9. С. 148

⁸¹ Слон, напуганный происшествием в соседнем балагане, убежал с места народных гуляний обратно в зоосад (Бегство слона из балагана Роста во время Масленицы // Всемирная иллюстрация. 1874. Т. 11. № 9. С. 146, 148, см. рис. 3). Азиатские слоны упоминаются в путеводителях, издававшихся владельцем зоопарка [Рост, 1874, с. 16 и более поздние издания], но без объяснений, о каком конкретно животном идет речь.

⁸² К примеру, в 1897 г. негус Абиссинии прислал в подарок Николаю II двух обезьян. В 1899 г. самец умер, а самку, которая заскучала в одиночестве, отдали в Петербургский зоосад. В 1899 г. лаосский принц прислал две пары кошек. После недолгого содержания при дворе одна пара была передана в Московский зоосад, а вторая — в Петербургский (РГИА. Ф. 472. Оп. 43, внутр. оп. 472/2421. Д. 193).

Следующие слоны появились в Царском Селе в 1890-х гг. Николай II, в отличие от отца и деда, не старался ограничивать расходы двора, тем более что новая мода подняла популярность не только экзотических пород домашних животных, но и диких ручных. В последние десятилетия царствования Романовых в их резиденциях содержались ручные волки, лани, косули, северные и другие олени; в Царском Селе несколько лет жили лошади Пржевальского; мода на обезьянок, попугаев и других экзотических животных во дворцах, оранжереях и садах никогда не проходила полностью.

Первый из слонят был подарен Николаю Александровичу в бытность его наследником во время восточного путешествия в 1890—1891 гг. В этом путешествии в числе других развлечений Николай принял участие в двух охотах на слонов — на Цейлоне и в Сиаме. Слоненок был подарен после охоты на Цейлоне⁸³, хотя в газетных заметках и личных источниках про него нередко писали как про сиамского⁸⁴. В 1896 г. была привезена от негуса Абиссинии юная слониха примерно двух лет⁸⁵ — эхо политических игр, которые Россия тогда вела в восточной Африке.

С появлением публичных зверинцев и зоологических садов в России появилась и профессия служителя при диких животных, поэтому Царскосельское дворцовое правление в конце XIX в. в качестве слоновщиков нанимало обычных российских подданных, имевших опыт работы в зоосадах. Вместе с этим статус и жалование слоновщиков понизились и почти сравнялись со статусом и жалованьем других служителей при животных (табл. 3).

Для встречи слоненка с Цейлона в Одессу были отправлены два служителя Петербургского зоосада. Один из них — татарин Сейфулла Сейтбурханов — был принят на службу в Царское Село, где и оставался до своей смерти в 1913 г. Его сын Абдула еще подростком помогал отцу, а после смерти отца в 1913 г. стал помощником при его преемнике⁸⁶. Второй слоновщик — татарин из той же местности Махмут Сейфулин — был нанят в связи с прибытием абиссинской слонихи, уволен после смерти цейлонского слона и нанят снова после смерти Сейтбурханова.

Цейлонский слон умер в сентябре 1902 г.⁸⁷, а абиссинская слониха жила до коллапса империи и умерла осенью 1917 г., во время транспортировки в Московский зоосад. Сохранилось несколько фотографий Николая II и других Романовых со слонами — в основном с абиссинской слонихой.

Посмертная судьба слонов

История придворного слона не обязательно заканчивалась вместе с его или ее смертью — они могли становиться экспонатами естественно-исторических музеев.

⁸³ [Ухтомский, 1895, с. 204]; РГИА. Ф. 468. Оп. 15. Д. 246.

⁸⁴ См., например: Новое время. 1891. 11 июля. № 5518; выше уже говорилось, что великий князь Константин Константинович писал об этом слоненке как о сиамском.

⁸⁵ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6497.

⁸⁶ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 7115; Оп. 9. Д. 783, 784, 786, 787. По-видимому, мальчик в татарской одежде на некоторых снимках царскосельской слонихи — это Абдула Сейтбурханов.

⁸⁷ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 7139. В деле сохранились счета из аптеки и заключение ветврача А. Нестерова. По его мнению, смерть наступила от паралича сердца (л. 31).

Посмертная судьба трех слонов, павших на императорском охотном дворе в 1806, 1823 и 1827 гг., описана в специальных статьях: они стали экспонатами Кунсткамеры (а затем Зоологического музея и Зоологического института Академии наук) [Fedotova, 2024], Казанского и Варшавского университетов [Fedotova, 2026b].

Слоны, которые умирали в публичных зверинцах и зоосадах, также могли попадать в музеи. Летом 1860 г. Крейцберг продал тело Фетибаша Санкт-Петербургской медико-хирургической академии⁸⁸. Для изготовления чучела академия наняла известного мастера папье-маше Иоганна Гейзера. Возможно, было произведено вскрытие Фетибаша и составлен его протокол. Во всяком случае, запрашивая сведения о жизни Фетибаша в Царском Селе, конференция академии объяснила, что нуждается в них для «составления описания вскрытия и препарирования»⁸⁹. Если документы о вскрытии сохранились, то их нужно искать в фонде академии в Российском государственном военно-историческом архиве.

В течение столетия чучело и скелет Фетибаша украшали один из холлов академии. В 1960-е гг. их было решено передать в Зоологический институт АН СССР. В процессе демонтажа чучела внутри него были найдены бумаги, позволившие установить провенанс экспоната и в том числе — имя мастера [Заславский, 1979, с. 127–128]. Затем чучело было передано на кафедру зоологии Воронежского университета, где находится и сегодня⁹⁰, а скелет остался в хранилище Зоологического института.

Из других царскосельских слонов известна судьба останков абиссинской слониhi, и есть предположения об останках цейлонского слона, умершего в 1902 г. Возможно, тело последнего было куплено эксцентричным миллионером А.В. Кокаревым. Во всяком случае в саду особняка Кокарева в Царском Селе (ныне г. Пушкин, ул. Московская, 55) находился стеклянный павильон с чучелом слона, поставленный приблизительно в то время, когда умер цейлонский слон [Козлов, 2010, с. 100].

Последние месяцы жизни абиссинской слониhi породили городскую легенду. После февраля 1917 г. большая часть структур Министерства двора потеряла финансирование. Деньги на содержание слониhi перестали поступать регулярно. Рассказывают, что слониhi бродила по Царскому Селу и ее расстреляли пьяные солдаты. Последнее является выдумкой. Осенью 1917 г. слониhi было решено отдать в Московский зоосад, но она по дороге умерла⁹¹. Ее тело было отдано Дарвиновскому музею, где в 1927 г. таксидермист Ф.Е. Федулов с помощниками смонтировал чучело, которое экспонируется и сегодня [Фадеев, 2020].

⁸⁸ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6993.

⁸⁹ Там же. Л. 7.

⁹⁰ Научный архив Зоологического института Российской академии наук (НА ЗИН РАН). Ф. 1. Оп. 6. Д. 169. Л. 284; Сухорослов М.С. Искусство таксидермиста // Воронежский университет. 1966. 22 февраля. № 7. Я признательна за эту информацию Евгению Васильевичу Аксёненко (кафедра зоологии и паразитологии Воронежского университета).

⁹¹ Если бы слониhi умерла в Царском Селе, не было бы смысла везти ее останки в Москву. В Зоологическом музее (ныне — Зоологический институт РАН) не было африканского слона.

Заключение

По слонам, содержавшимся при Санкт-Петербургском императорском дворе в XIX и начале XX в., сохранилось довольно много документов. Большая их часть — это рутинная переписка о закупке припасов и выплатах служителям, но имеются и контракты махаутов, записки о слонах, составленные с их слов, и другие содержательные документы. Кроме того, даже рутинные бумаги содержат любопытные детали об особенностях слоньего рациона или об уходе за животными. Работа в архивах других городов, например в Бухаре или Москве, могла бы дать новые подробности о животных, которые стали подарками «белому царю», о жизни слонов после их передачи в Московский зоосад, а также о людях, которые заботились об этих гигантах. Начатые проекты по оцифровке газет имперского времени обещают еще один интересный источник — по слонам передвижных зверинцев, цирков и городских зоосадов.

Если отталкиваться от деления, предложенного Луизой Роббинс [Robbins, 2002], слоны при российском императорском дворе XVIII, XIX и начала XX в. скорее попадают в категорию избалованных, чем поработанных пленников, в отличие от слонов в зверинцах Западной Европы. Благодаря статусу исключительных животных и дипломатических подарков им был обеспечен лучший из возможного в то время уход — хорошо подготовленные и заботливые слоновщики, качественный корм, прогулки, купания, визиты ветеринаров и т. д. Тем не менее слоны оставались пленниками, а во второй половине XIX в. их отдавали в публичные зверинцы, где условия содержания были гораздо более суровыми и где они могли сравнительно быстро погибнуть.

В XVIII в. слоны при российском императорском дворе, по выражению М. Пироговской, играли роль аватаров власти, однако в течение XIX столетия их статус менялся. В годы правления Николая I слоновник был перемещен из столицы в Царское Село — загородную резиденцию Романовых. Тем самым слоны становились в первую очередь домашними питомцами, а их церемониальная функция отодвигалась на задний план, хотя полностью все же не исчезала. Александр II и его окружение старались сократить расходы двора, и экзотические животные перешли в разряд излишней роскоши. В 1860-х гг. в России не только гастролировали большие европейские зверинцы и цирки, но и были созданы два первых зоосада — в Москве и Петербурге. Это придало живым подаркам, преподносимым монарху, новый смысл. Экзотическое животное становилось подарком не только лично императору как персонификации государства, но и всем жителям империи, так как они получали возможность видеть это необычное животное в публичном зоосаду. Николай II, в отличие от своего отца и деда, не считал нужным ограничивать траты августейшей семьи. Так что в 1890-х гг. слоны вновь появились в Царском Селе на правах исключительных домашних питомцев, вполне соответствующих исключительному статусу семьи Романовых (с точки зрения самой семьи).

Изменения происходили и в сфере того, как был организован уход за экзотическими животными и на чем базировалась экспертиза по контролю за их здоровьем. «Технологический анклав» по уходу за слонами, переносимый с Востока вместе с самими гигантами, в XVIII и первой трети XIX в. существовал вполне изолированно. Во второй трети XIX в. он начал уступать давлению «рационального» западной экспертизы, хотя «запад» все еще знал очень мало о слонах и их физиологии. Если

петербургские ветеринары и делали попытки получить информацию о слонах, например от британских коллег, работавших в Южной Азии, то мы ничего не знаем об этом. К примеру, в 1850-х гг. ветеринары пытались обращаться со слоном во время муста как с пациентом, страдающим диабетом.

Мне пока не удалось найти ни одного указания на проявление интереса со стороны профессиональных зоологов к слонам, жившим при дворе. Это в целом отражает сразу две более общие тенденции. Во-первых, крупные млекопитающие были мало интересны академическим наукам о жизни во второй половине XIX и начале XX в. Во-вторых, как показывает переписка, Министерство двора хотя и не запрещало своим администраторам приглашать внешних экспертов для консультаций, но и не поощряло такие вмешательства в свой достаточно закрытый мирок.

После своей смерти придворные слоны могли еще раз становиться подарками: в этом случае от императора — научному сообществу. Тем самым они оставались объектами внимания публики, теперь уже в качестве экспонатов естественно-исторических музеев. На данный момент известно, что стало с телами двух слонов, живших в парке Царского Села. Из останков Фетибаша Иоганн Гейзер смонтировал чучело и скелет, которые около сотни лет (с 1860-х до 1960-х гг.) находились в одном из холлов Медико-хирургической (Военно-медицинской) академии. Затем чучело было передано на кафедру зоологии Воронежского университета, а скелет оказался в Зоологическом институте РАН. Последняя обитательница царскосельского слоновника, африканская слониха, осенью 1917 г. была передана в Московский зоо-сад, но умерла по пути туда. Ее тело было отдано Дарвиновскому музею, а в 1927 г. Ф.Е. Федулов с помощниками смонтировал чучело, которое экспонируется до сих пор.

Приложение

Рацион слонов при Санкт-Петербургском императорском дворе

На один день на одного слона

1896—1872

Лепешки из лучшей пшеничной муки 2 пуда; коровье масло (топленое) 3—5 фунтов; мед 5 фунтов; сахар 1—4 фунта; сено 3—5 пудов, летом свежая трава, ежедневно или 2—3 раза в неделю, в остальные дни — сено.

С осени 1840 г. в холодные месяцы — небольшое количество овощей (лук, чеснок, петрушка, морковь).

1891—1917

8 утра: 5 фунтов риса, сваренных с 1/8 фунтами изюма или с сахаром, немного лука и чеснока;

10 утра: 1,5 фунта солода, 5 фунтов картофеля, 5 фунтов отрубей, 5 фунтов свеклы, 4 фунта моркови, 2,5 фунтов гороха. Поить теплой водой;

Полдень: пшеничные лепешки, выпеченные на снятом молоке, 10 фунтов;

5 вечера: 5 фунтов риса, сваренных с 1/8 фунтами изюма или с сахаром; немного лука и чеснока;

8 вечера: 1,5 фунта солода, 5 фунтов картофеля, 5 фунтов отрубей, 5 фунтов све-
клы, 4 фунта моркови, 2,5 фунтов гороха. Поить теплой водой;

10 вечера: 1,5 пуда сена.

Источники: РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 1418; Ф. 478. Оп. 1, разд. 1/1000. Д. 52, 53, 59, 66; Ф. 487. Оп. 8. Д. 6495, 6497, 6908, 6911, 6916, 6928, 7005, 7015, 7043, 7115, 7137, 7139, 7151.

Литература

Бурсиан Р. Случай воспаления кишек и раздутости брюха у ламы // Записки ветеринарной медицины. 1853. Кн. 6. С. 4–8.

Бурсиан Р. Опровержение мнения о недействительности бычачьей желчи при чуме рога-
того скота // Записки ветеринарной медицины. 1856. Кн. 5. С. 269–274.

Бурсиан Р. Кишечный запор у слона. История болезни // Записки ветеринарной медици-
ны. 1859. Кн. 5. С. 189–200; Кн. 6. С. 256–260.

Ваганов С. Смерть слона Зембо // Ветеринарный врач. 1909. № 23. С. 360–361.

Васильева Д. Живые подарки: слоны посольства Надир-шаха 1739–1742 // XXX Меж-
дународный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. СПб.:
НП-Принт, 2019. С. 179–187.

Гарутт Н.В. Очарованный слоном // Труды Зоологического института РАН. 2018. Т. 322.
№ 3. С. 215–221.

Заславский М.А. Ландшафтные экспозиции музеев мира. Л.: Наука, 1979. 211 с.

Зефельд А. 25-летие Санкт-Петербургского зоологического сада (1865–1890). СПб.: Тип.
Э. Гоппе, 1890. 56 с.

Козлов А.В. Сильвио Данини: материалы к творческой биографии. СПб.: Коло, 2010.
206 с.

Кулагин Н.М. Материалы по истории зоосада с 1864 по 1899 год. М.: Тип. Моск. ун-та,
1900. 83 с.

Кулагин Н.М., Петров Н.В. Краткий очерк истории устройства и развития Московского
зоосада // Труды Русского общества акклиматизации животных и растений. 1895. Т. 5. № 1.
С. 3–9.

Матвиевская Г. Слоны в Оренбурге // Гостиный Двор. 2008. № 23. С. 189–200.

Моисеев М. Слоны Ивана Грозного // *Studia historica Europae Orientalis*. 2010. № 3. С. 209–
220.

Московский зоологический парк: к 140-летию со дня основания / Ред. Л.В. Егорова. М.:
Эллис Лак, 2004. 304 с.

Попов В.В. Поездка по зоосадам Средней Европы // Труды Русского общества акклима-
тизации животных и растений. 1878а. Т. 1. С. 25–49.

Попов В.В. Дневник Зоосада с 1 сентября 1878 г. по 1 сентября 1879 г. // Труды Русского
общества акклиматизации животных и растений. 1878б. Т. 1. С. 226–249.

Романов К.К. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М.: Искусство, 1998. 492 с.

Рост Е. Путеводитель по Зоологическому саду. СПб.: Тип. Гоппе, 1874. 24 с.

Сартори П., Шаблей П.С. В поисках счастливой судьбы в Оренбурге и форте Перовский:
Михаил Первухин как востоковед, должник и имперский чиновник // Электронный науч-
но-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 8 (82). Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840006046-9-1/> (дата обращения: 26.04.2026). DOI: 10.18254/S207987840006046-9.

Тоболкин Я.А. Санитарно-ветеринарный отчет по зоосаду за 1907 г. // Вестник Московского зоосада. 1908. Вып. 1. С. 29–32.

Ухтомский Э.Э. Путешествие государя императора Николая II на Восток, 1890–1891. Т. 2. СПб., Лейпциг: Брокгауз, 1895. 228, 249 с.

Фадеев И.В. Таксидермисты Федуловы в Дарвиновском музее // Труды Государственного Дарвиновского музея. Вып. 23. М.: ГДМ, 2020. С. 24–42.

Федотова А.А. Из заповедной пуши к царскому двору: беловежские зубры под Санкт-Петербургом // *Loci imperialis*. 2026a. № 2. В печати.

Юхименко Е. По улицам слона водили...: документ, литературный текст и российская действительность 1710-х гг. // Текст и традиция. СПб.: Росток, 2015. Вып. 3. С. 95–114.

Agreeable News from Persia. Iran in the Colonial and Early Republican American Press, 1712–1848 / Ed. D.T. Potts. Wiesbaden: Springer, 2022. 2023 p.

Amato S. The White Elephant in London: An Episode of Trickery, Racism and Advertising // *Journal of Social History*. 2009. Vol. 43. No. 1. P. 31–66.

Bedini S.A. The Pope's Elephant. Manchester: Carcanet Press, 1997. 302 p.

Buffon G. Histoire naturelle, générale et particulière. Vol. 11. Paris: De l'Imprimerie royale, 1764.

Cappellini E., Gentry A., Palkopoulou E., Ishida Y., Cram D., Roos A.-M., Watson M., Johansson U.S., Fernholm B., Agnelli P., Barbagli F., Littlewood D., Kelstrup C.D., Olsen J.V., Lister A.M., Roca A.L., Dalén L., Gilbert M. Resolution of the type material of the Asian elephant, *Elephas maximus* Linnaeus, 1758 (Proboscidea, Elephantidae) // *Zoological Journal of the Linnean Society*. 2014. Vol. 170. No. 1. P. 222–232.

Daly M. Topsy: The Startling Story of the Crooked-Tailed Elephant, P.T. Barnum, and the American Wizard, Thomas Edison. New York: Atlantic Monthly Press, 2014. 288 p.

Day Ch., Garside A. Wildlife Management in South Sudan, 1901–2021: Conservation Amidst Conflict // *African Studies Review*. 2024. Vol. 67. No. 3. P. 610–631.

Du Verno I. De cystema et ductu thoracico catopardi, phocae et elephanti // *Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae*. 1726–1728. Т. 1. P. 342–350.

Fedotova A. The Provenance of a Kunstammer Elephant: Animal Diplomacy and a Prop Artist in the Early Nineteenth Century St. Petersburg // *Revista Prohistoria*. 2024. No. 42. P. 1–8.

Fedotova A. A Tale of Two Elephants: Animal Diplomacy in Imperial Russia // *Archives of Natural History*. 2026b. Vol. 53. No. 2, forthcoming.

Gilchrist W. A Practical Memoir on the History and Treatment of the Diseases of the Elephant. Calcutta: G.H. Huttman, Bengal Military Orphan Press, 1841. 78 p.

Hardenberg W. A Monastery for the Ibex. Conservation, State, and Conflict on the Gran Paradiso, 1919–1949. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2021. 255 p.

Kotenko A. For Fame and Fortune: The Origins of St. Petersburg's Zoo, 1865–1871 // *Urban History*. 2024. Vol. 52. No. 4. P. 604–621.

Leonardi C. Exploring Elephants in European Hunting Narratives from Nineteenth-Century Southern Sudan // *Humanimalia*. 2025. Vol. 16. No. 1. P. 37–79.

Nance S. Entertaining Elephants: Animal Agency and the Business of the American Circus. Baltimore: JHU Press, 2013. 296 p.

Nance S. Animal Modernity: Jumbo the Elephant and the Human Dilemma. Houndmills, Basingstoke; New York: Palgrave MacMillan, 2015. 112 p.

Nyhart L. Modern Nature: The Rise of the Biological Perspective in Germany. Chicago, USA: University of Chicago Press, 2009. 440 p.

Pirogovskaya M. "Elephant Ayurveda" at the 18th-Century Russian Court: Medical Pluralism, Technology Transfer, and Avatars of Power // *Forum for Anthropology and Culture*. 2025. No. 21. P. 131–172.

Ritvo H. Animal Estate the English and Other Creatures in the Victorian Age. Cambridge: Harvard University Press, 1987. 364 p.

Robbins L. Elephant Slaves and Pampered Parrots: Exotic Animals in Eighteenth-Century Paris. Baltimore, John Hopkins University Press, 2002. 350 p.

Rothfels N. Killing Elephants: Pathos and Prestige in the Nineteenth Century Victorian Animal Dreams: Representations of Animals in Victorian Literature and Culture / Eds. M.A. Danahay, D.D. Morse. London: Routledge, 2007. P. 53–64.

Rothfels N. Elephant Trails. A History of Animals and Cultures. Baltimore: John Hopkins University Press, 2021. 237 p.

Saha J. Colonizing Elephants: Animal Agency, Undead Capital and Imperial Science in British Burma // BJHS Themes. 2017. Vol. 2017. P. 169–189.

Sivasundaram S. Trading Knowledge: The East India Company's Elephants in India and Britain. The Historical Journal. 2005. Vol. 48. P. 27–63.

Skotnes-Brown J. Domestication, Degeneration, and the Establishment of the Addo Elephant National Park in South Africa, 1910s–1930s // The Historical Journal. 2021. Vol. 64. No. 2. P. 357–383.

Soderqvist T. The Ecologist: From Merry Naturalists to Saviors of the Nations. Stockholm: Almqvist and Wiksell, 1986. 330 p.

Wang L. Walking Elephants to Beijing: Manipulation, Local Bureaucracy, and the Forging of Peace on the Qing Southwest Frontier, 1700–1800 // Monumenta Serica. 2026. Vol. 74. No. 1. P. 1–49.

Fetibash, Gangru, and Others: Biographies of the Tsarskoye Selo Elephants

ANASTASIA A. FEDOTOVA

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg Branch,
St. Petersburg, Russia;
e-mail: f-anastasia@yandex.ru

This article explores the care regimes of the elephants that lived at Tsarskoye Selo, the Romanov country residence, from 1839 until the collapse of the empire in 1917. There were six elephants in total: they were gifts to Nicholas I, Alexander II, and Nicholas II from Bukhara, Ceylon, and Abyssinia. The peculiarity of the Tsarskoye Selo elephants lies in their role not only as diplomatic gifts but also as pets for the Romanovs. The first and the second were supported by their status as exceptional animals and ensured the elephants with the highest level of comfort possible for animals in captivity: caring mahouts and veterinarians, walks and baths, a quiet, secluded life. However, the elephants essentially remained captives: they were kept chained indoors. In the 1860s and 1870s, Tsarskoye Selo elephants were given to public menageries and zoos, where conditions were much harsher. Surviving information about the lives of six Tsarskoye Selo elephants, their caretakers, and veterinarians allows us to draw some conclusions about the expertise on exotic animals at the imperial court. After the elephants' deaths, their bodies could become exhibits in natural history museums. A rich historiography allows us to compare the care of Tsarskoye Selo elephants with the care of animals in public zoos in Europe, North America, and Russia during the same period.

Keywords: elephants, Tsarskoye Selo, menageries, Russian Empire, the long 19th century.

Acknowledgments

I am grateful to Evgeny V. Aksenenko for information about the mounted Fetibash's skin in the museum of the Department of Zoology and Parasitology of Voronezh University; to Maria M. Pirogovskaya (Ludwig Maximilian University of Munich) and Evgeny N. Mashchenko (Paleontological Institute, Russian Academy of Sciences) for their valuable comments.

References

- Amato, S. (2009). The White Elephant in London: An Episode of Trickery, Racism and Advertising, *Journal of Social History*, 43 (1), 31–66.
- Bedini, S.A. (1997). *The Pope's Elephant*, Manchester: Carcanet Press.
- Buffon, G. (1764). *Histoire naturelle, générale et particulière*, vol. 11, Paris: De l'Imprimerie royale (in French).
- Bursian, R. (1853). Sluchay vospaleniya kishek i razdutosti bryukha u lamy [A case of intestinal inflammation and abdominal distension in a llama], *Zapiski veterinarnoy meditsiny*, no. 6, 4–8 (in Russian).
- Bursian, R. (1856). Oproverzheniye mneniya o nedeystvitel'nosti bychach'yey zhelchi pri chume rogatogo skota [Refutation of the opinion about the invalidity of bull bile in cattle plague], *Zapiski veterinarnoy meditsiny*, no. 5, 269–274 (in Russian).
- Bursian, R. (1859). Kishechnyy zapor u slona. Istoriya boleznii [Intestinal constipation in an elephant. A case report], *Zapiski veterinarnoy meditsiny*, no. 5, 189–200; no. 6, 256–260 (in Russian).
- Cappellini, E., Gentry, A., Palkopoulou, E., Ishida, Y., Cram, D., Roos, A.-M., Watson, M., Johansson, U.S., Fernholm, B., Agnelli, P., Barbagli, F., Littlewood, D.T.J., Kelstrup, C.D., Olsen, J.V., Lister, A.M., Roca, A.L., Dalén, L., Gilbert, M.T.P. (2014). Resolution of the type material of the Asian elephant, *Elephas maximus* Linnaeus, 1758 (Proboscidea, Elephantidae), *Zoological Journal of the Linnean Society*, 170 (1), 222–232.
- Daly, M. (2014). *Topsy: The Startling Story of the Crooked-Tailed Elephant, P.T. Barnum, and the American Wizard, Thomas Edison*, New York: Atlantic Monthly Press.
- Day, Ch., Garside, A. (2024). Wildlife Management in South Sudan, 1901–2021: Conservation Amidst Conflict, *African Studies Review*, 67 (3), 610–631.
- Du Vernoi, I. (1726–1728). De cysterna et ductu thoracico catopardi, phocae et elephanti, *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*, vol. 1, 342–350 (in Latin).
- Egorova, L. (Ed.) (2004). *Moskovskiy zoologicheskiy park: k 140-letiyu so dnya osnovaniya* [Moscow Zoo: Celebrating the 140th anniversary], Moskva: Ellis Lak (in Russian).
- Fadeev, I. (2020). Taksidermisty Fedulovy v Darvinovskom muzee [Taxidermists Fedulovs in the Darwin Museum], *Trudy Gosudarstvennogo Darvinovskogo muzeya*, no. 23, 24–42, Moskva: GDM (in Russian).
- Fedotova, A. (2024). The Provenance of a Kunstkammer Elephant: Animal Diplomacy and a Prop Artist in the Early nineteenth Century St. Petersburg, *Revista Prohistoria*, no. 42, 1–8.
- Fedotova, A. (2026a). Iz zapovednoy pushchi k tsarskomu dvoru: belovedzhskiy zubry pod Sankt-Peterburgom [From a primeval forest to the tsars' court: the Białowieżan bison in the St. Petersburg imperial residences], *Locis imperialis*, no. 2, forthcoming (in Russian).
- Fedotova, A. (2026b). A Tale of Two Elephants: Animal Diplomacy in Imperial Russia, *Archives of Natural History*, 53 (2), forthcoming.
- Garutt, N. (2018). Ocharovanny slonom [Enchanted by the elephant], *Trudy Zoologicheskogo instituta RAN*, 322 (3), 215–221 (in Russian).
- Gilchrist, W. (1841). *A Practical Memoir on the History and Treatment of the Diseases of the Elephant*, Calcutta: G.H. Huttman, Bengal Military Orphan Press.

- Hardenberg, W.G. (2021). *A Monastery for the Ibex. Conservation, State, and Conflict on the Gran Paradiso, 1919–1949*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Juhimenko, E. (2015). Po ulitsam slona vodili...: dokument, literaturnyy tekst i rossiyskaya deystvitel'nost' 1710-kh gg. [An elephant was led through the streets...: a document, a literary text, and Russian reality in the 1710s.], in *Tekst i traditsiya* [Text and tradition], no. 3 (pp. 95–114), S.-Peterburg: Rostok (in Russian).
- Kotenko, A. (2024). For Fame and Fortune: The Origins of St. Petersburg's Zoo, 1865–1871, *Urban History*, 52 (4), 604–621.
- Kozlov, A. (2010). *Sil'vio Danini: materialy k tvorcheskoy biografii* [Silvio Danini: materials for a creative biography], S.-Peterburg: Kolo (in Russian).
- Kulagin, N. (1900). *Materialy po istorii zoosada s 1864 po 1899 god* [Materials on the history of the Zoo from 1864 to 1899], Moskva: Tip. Mosk. un-ta (in Russian).
- Kulagin, N., Petrov, N. (1895). Kratkiy ocherk istorii ustroystva i razvitiya Moskovskogo zoosada [A brief essay on the history and development of the Moscow Zoo], *Trudy Russkogo obshchestva akklimatizatsii zhivotnykh i rasteniy*, 5 (1), 3–9 (in Russian).
- Leonardi, C. (2025). Exploring Elephants in European Hunting Narratives from Nineteenth-Century Southern Sudan, *Humanimalia*, 16 (1), 37–79.
- Matvievsкая, G. (2008). Slony v Orenburge [Elephants in Orenburg], *Gostiny Dvor*, no. 23, 189–200 (in Russian).
- Moiseyev, M. (2010). Slon Ivana Groznogo [The elephant of Ivan the Terrible], *Studia historica Europae Orientalis*, no. 3, 209–220 (in Russian).
- Nance, S. (2013). *Entertaining Elephants: Animal Agency and the Business of the American Circus*, Baltimore: JHU Press.
- Nance, S. (2015). *Animal Modernity: Jumbo the Elephant and the Human Dilemma*, Houndmills, Basingstoke; New York: Palgrave MacMillan.
- Nyhart, L. (2009). *Modern Nature: The Rise of the Biological Perspective in Germany*, Chicago: University of Chicago Press.
- Pirogovskaya, M. (2025). “Elephant Ayurveda” at the 18th-Century Russian Court: Medical Pluralism, Technology Transfer, and Avatars of Power, *Forum for Anthropology and Culture*, no. 21, 131–172.
- Popov, V. (1878a). Poyezdka po zoosadam Sredney Yevropy [Trip to the zoological gardens of Central Europe], *Trudy Russkogo obshchestva akklimatizatsii zhivotnykh i rasteniy*, no. 1, 25–49 (in Russian).
- Popov, V. (1878b). Dnevnik Zoosada s 1 sentyabrya 1878 g. po 1 sentyabrya 1879 g. [Diary of the Zoo between September 1, 1878 and September 1, 1879], *Trudy Russkogo obshchestva akklimatizatsii zhivotnykh i rasteniy*, no. 1, 226–249 (in Russian).
- Potts, D.T. (Ed.) (2022). *Agreeable News from Persia. Iran in the Colonial and Early Republican American Press, 1712–1848*, Wiesbaden: Springer.
- Ritvo, H. (1987). *Animal Estate the English and Other Creatures in the Victorian Age*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Robbins, L. (2002). *Elephant Slaves and Pampered Parrots: Exotic Animals in Eighteenth-Century Paris*, Baltimore, JHU Press.
- Romanov, K. (1998). *Dnevniki. Vospominaniya. Stikhi. Pis'ma* [Diaries. Memories. Poems. Letters], Moskva: Iskusstvo (in Russian).
- Rost, E. (1874). *Putevoditel' po Zoologicheskomu sadu* [Guide to the Zoo], S.-Peterburg: Goppe (in Russian).
- Rothfels, N. (2021). *Elephant Trails. A History of Animals and Cultures*, Baltimore: JHU Press.
- Rothfels, N. (2027). Killing Elephants: Pathos and Prestige in the Nineteenth Century, in M.A. Danahay, D.D. Morse (Eds). *Victorian Animal Dreams: Representations of Animals in Victorian Literature and Culture* (pp. 53–64), London: Routledge.
- Saha, J. (2017). Colonizing Elephants: Animal Agency, Undead Capital and Imperial Science in British Burma, *BJHS Themes*, no. 2, 169–189.

Sartori, P., Shabley, P. (2019). V poiskakh shchastlivoy sud'by v Orenburge i forte Perovskiy: Mikhail Pervukhin kak vostokoved, dolzhnik i imperskiy chinovnik [Seeking fortune in Orenburg and fort Perovsky: Mikhail Pervukhin as orientalist, debtor, imperial official], *ENOZh "Istoriya"*, 10 (8). Available at: <https://history.jes.su/s207987840006046-9-1/> (date accessed: 29.04.2026) (in Russian). DOI: 10.18254/S207987840006046-9.

Sivasundaram, S. (2005). Trading Knowledge: The East India Company's Elephants in India and Britain, *The Historical Journal*, 48 (1), 27–63.

Skotnes-Brown, J. (2021). Domestication, Degeneration, and the Establishment of the Addo Elephant National Park in South Africa, 1910s–1930s, *The Historical Journal*, 64 (2), 357–383.

Soderqvist, T. (1986). *The Ecologist: From Merry Naturalists to Saviors of the Nations*, Stockholm: Almqvist and Wiksell.

Tobolkin, Ja. (1908). Sanitarno-veterinarnyy otchet po zoosadu za 1907 g. [Sanitary and veterinary report on the Zoo for 1907], *Vestnik Moskovskogo zoosada*, no. 1, 29–32 (in Russian).

Uhtomskij, E. (1895). *Puteshestviye gosudarya imperatora Nikolaya II na Vostok, 1890–1891* [Travels in the East of Nicholas II, Emperor of Russia when cesarewitch 1890–1891], vol. 2, S.-Peterburg, Leipzig: Brokgauz (in Russian).

Vaganov, S. (1909). Smert' slona Zembo [The death of Zembo the elephant], *Veterinarnyy vrach*, no. 23, 360–361 (in Russian).

Vasilyeva, D. (2019). Zhivyye podarki: slony posol'stva Nadir-Shakha 1739–1742 [Live gifts: elephants of the Nader-Shah's mission, 1739–1742], in N. Dyakov, A. Matveev (Eds), *XXX Mezhdunarodnyy congress po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki: k 150-letiyu akademika V.V. Bartol'da (1869–1930)* [XXX International Congress for source studies and historiography of Asia and Africa countries: To the 150th anniversary of academician V.V. Bartold (1869–1930)] (pp. 179–187), S.-Peterburg (in Russian).

Wang, L. (2026). Walking Elephants to Beijing: Manipulation, Local Bureaucracy, and the Forging of Peace on the Qing Southwest Frontier, 1700–1800, *Monumenta Serica*, 74 (1), 1–49.

Zaslavsky, M. (1979). *Landshaftnyye ekspozitsii muzeev mira* [Landscape exhibitions in museums around the world], Leningrad: Nauka (in Russian).

Zefel'd, A. (1890). *25-letiyе Sankt-Peterburgskogo zoologicheskogo sada (1865–1890)* [25th anniversary of the St. Petersburg Zoo (1865–1890)], S.-Peterburg: Goppe (in Russian).